

Провидение

Автор:

[Кэролайн Кепнес](#)

Провидение

Кэролайн Кепнес

Убийство по любви

Хлоя и Джон. Их свело ни на что не похожее чувство – словно тонкая мембрана между подростковой дружбой и истинной любовью... А потом Джон пропал. И вернулся лишь через четыре года. Чудаковатый подросток превратился в сильного красавца. И еще во что-то... Тот, кто держал его все это время в искусственной коме, заложил в юношу непонятную силу, смертельно опасную для всех вокруг. Не успев возвратиться, он вынужден бежать. И искать ответ на вопрос: что он такое и почему с ним это сделали? Хлоя идет по следу Джона и уверена, что его можно исцелить. Но все становится только хуже...

Кэролайн Кепнес

Провидение

Caroline Kepnes

Providence

Copyright © 2018 by Caroline Kepnes.

© Самуйлов С.Н., перевод на русский язык, 2020

Правда, мы будем уродами, отрезанными от мира; но благодаря этому мы еще более привяжемся друг к другу[1 - Перевод З. Александровой.].

Мэри Уолстонкрафт Шелли, «Франкенштейн, или Современный Прометей»

Нашуа

Джон

Я бринез Педро на День благодарения и завтра должен вернуть его в школу. «Бринез» – такого слова нет. Надо говорить «принес». Но мне нравится, как оно звучит, будто ты замерз и звонишь в звонок. Бррринеззз. За то, что говоришь внутри себя, никто тебе поджопник не даст, даже собственная мама. Моя сейчас помешивает соус к спагетти на плите и укоризненно качает головой.

– Убери из моей кухни эту крысу, – говорит она.

– Педро не крыса, – возражаю я. – Он – хомяк.

Мама не уступает.

– Кем бы он ни был, в моей кухне ему не место. И я не собираюсь повторять, Джон. Убери отсюда эту тварь. Немедленно.

Она всегда говорит про кухню: моя кухня, точно так же, как папа говорит про телевизор: мой телевизор, а про кресло – мое кресло. Моя единственная территория – спальня. И, наверное, сарай, но он в лесу и, строго говоря, стоит на участке миссис Керри. Все остальное в доме принадлежит родителям.

Выношу Педро на улицу, к качелям, хотя для них я староват. Бедняга дрожит.

– Перестань, малыш. Ты же из Нью-Гэмпшира. Справишься.

По правде говоря, я не знаю, здесь ли родился Педро. Может, он появился на свет на Бермудах, а сюда его привезли морем. А вот моя родина здесь. Я родился в больнице Дерри, возле Нашуа. За три дня до Кэррига Беркуса. Иногда, когда он дает мне леща, я думаю: как же мы оказались в больнице в одно и то же время? Представляю, как мы – два новорожденных – лежим в соседних кроватках. Как наши папы машут нам. В каком-то смысле мы были одинаковые. И, может быть, нас даже нельзя было различить. Сейчас мы – противоположности. Кэрриг – спортсмен. Один из тех парней, у которых куча приятелей. Его жизнь – компании, пиво, девушки. Он отпускает шуточку, и все хохочут. Он знает, как разговаривать с людьми, как им понравиться. В прошлом месяце его фотография висела в витрине «Роллинг Джек», спортивного магазина в торговом центре. Кэрриг – СПОРТСМЕН МЕСЯЦА.

А я – никто месяца. Хлоя даже засмеялась, когда я поделился с ней этой мыслью.

– Вот и хорошо, – сказала она. – Самое худшее, когда пик карьеры приходится на школу.

Хлоя всегда говорит то, что надо, что-то приятное. Вот ее фото в витрине какого-нибудь другого магазина я представить могу. Хотя ей об этом никогда не скажу. Это точно.

Завтра снова в школу, а значит, я снова ее увижу. Хлою-которая-пахнет-как-печенье. Так я называю ее про себя. Каждый раз, когда мама печет печенье – неважно какое, овсяное с изюмом, шоколадное или карамельное, – оно пахнет, как Хлоя. Хлоя-которая-пахнет-как-печенье не смеется надо мной. На ланче она садится со мной за один столик, хотя другие девчонки подшучивают над ней, а парни говорят, что она зря тратит время на педика.

Хлоя терпеть не может это слово. Говорит, что после окончания школы будет жить в Нью-Йорке, где так никто не выражается. Она считает, что у ребят в нашей школе ни ума, ни сердца. Зато Нью-Йорк – это как «Улица Сезам» для взрослых, люди там душевные, и каждый может быть тем, кем хочет. На этой неделе Хлоя ездила туда на День благодарения. Родители возили ее посмотреть

парад. Она видела все эти громадные шары, уже сдувшиеся, сморщенные и лежащие на земле.

Всю неделю мы переписывались. Хлоя говорит, что мне бы Нью-Йорк понравился.

Знаешь, он настолько больше Нью-Гэмпшира, хотя на самом деле меньше.

Понимаю, Хлоя. Я бы и сам хотел там побывать.

Конечно, понимаешь. Ты всегда понимаешь!

– Обед! – кричит мама.

«Увижу тебя завтра», – торопливо пишу я.

Хлоя посылает мне смайлик. Это наш код – «И я тебя тоже, Джон».

По дому плывет запах спагетти и брокколи. Мама спрашивает, оставил ли я Педро на улице, и я говорю, что да, оставил, хотя он у меня в кармане. Папа берет брокколи и ставит в микроволновку.

– Что ты делаешь? – удивляется мама. – Оно же готово.

– Не выношу этот запах, – объясняет папа.

– Запах как запах.

Папа хмыкает. Он плотный и крепкий, работает каменщиком и любит бильярд. Многие считают его странным, потому что у него шотландский акцент.

Тайком опускаю в карман немножко спагетти. Никто бы и не заметил, но Педро кусает меня за палец, и я вскрикиваю, а мама бросает на тарелку вилку.

– Что ж это за школа такая! Чему можно научиться, принося домой крысу? И это в твоём возрасте. Не думаешь, что уже перерос такие глупости?

– Мы шефствуем над одним классом в начальной школе, – говорю я. – Взять его с собой никто из ребят не мог, вот я и согласился.

Вид у родителей печальный, как будто все это время думали, будто Педро здесь по необходимости, а не потому, что я так пожелал.

– Животные есть у многих, – добавляю я. – У Кэррига Беркуса – собака.

Вот зря я про него вспомнил. Родители знают, что мы с Кэрригом Беркусом больше не друзья. В последний раз он приглашал меня на день рождения в четвертом классе, когда люди еще устраивали праздники с приглашениями и когда мама заставляла звать всех детей. Приглашение было как бы от имени Бэтмена, вот я и явился в костюме Человека-паука, а все остальные пришли в обычной одежде. Иногда я переживаю за родителей. Наверное, им было бы лучше с кем-то из тех детей, которые занимаются спортом и приходят в нормальной одежде на дурацкий день рождения.

Смотрю на маму, прямо ей в глаза, как смотрят, когда хотят чего-то.

– Он чистый. Обещаю, он останется в моей комнате.

Мама режет спагетти. Она не наматывает их на вилку, как – это показывают по телевизору – делают в Нью-Йорке. Маму зовут Пенни, она родилась в Нью-Гэмпшире и говорит так, как говорят местные, а выросла на ферме, где животных держали во дворе.

– Комната твоя. Хочешь жить в вонючем свинарнике, чтобы животные пачкали твои вещи, это твое дело. Только не приходи потом ко мне и не проси, чтобы я убирала.

По пути вверх мне удастся стащить из буфета коробку «Орео». Папа рассказывает маме о «Пэтриотс»[2 - «Нью-Ингланд Пэтриотс» (англ. «Патриоты Новой Англии») – базирующаяся в Бостоне, Массачусетс, команда по американскому футболу, за которую болеют во всех шести штатах, входящих в северо-восточный регион Новая Англия, включая Нью-Гэмпшир.] и Суперкубке, а мама папе – о прекрасной Жизели. Язык у них один и тот же, только разный. То, что вылетает из маминого рта, никак не пересекается с тем, что вылетает из

папиного рта. Думаю, у нас с Хлоей получается лучше. То, что говорит Хлоя, всегда складывается с тем, что говорю я.

Наверху я кладу Педро на кровать, подношу к носу печенюшку «Орео» и вдыхаю, но нет, Хлоя пахнет домашним печеньем. Достая сегодняшний номер местной газеты «Телеграф» и перечитываю Педро утренние заголовки. Сегодня воскресенье, и номер самый толстый за всю неделю. Прочитать Педро все я не могу, но стараюсь изо всех сил. Добираемся до раздела «Стиль жизни». Думаю, ему нравится.

Я люблю новости. Они не дают забыть, что где-то есть большой мир, в котором живут люди, никогда не слышавшие о Кэрриге Беркусе. Каждый день – новый, каждая газета, каждая история. В кино или книге история только одна, но в газете можно встретить разные – счастливые, печальные, непонятные – насчет ипотеки, страшные – об ограблениях, наркошах, том мальчишке, которого похитили в Дувре.

На прошлое Рождество родители подарили мне подписку на «Телеграф». Ничего другого я не хотел. Я сильно переживал, что не получу ее, и даже пал духом, когда, открыв последний подарок, обнаружил коробку со свитером. Но потом сорвал упаковочную бумагу и увидел квитанцию на подписку. Я даже вскрикнул от радости, а мама рассмеялась. Люблю, когда она смеется, а случается это нечасто. Она сказала, что никогда меня не поймет.

– Терпеть не могу газеты. Зачем узнавать обо всех этих ужасах, которые творят люди?

– Хочу знать обо всем, – сказал я.

– Но это же не имеет к тебе никакого отношения, – недоуменно заметила она. – То, о чем там пишут, совершенно тебя не касается.

Папа как раз срывал ярлычок с фуфайки «Пэтриотс».

– Вон та команда тоже не имеет к папе никакого отношения, – сказал я.

Никогда не слышал, чтобы мама так смеялась. Она даже упала на диван, а папа немного разбушевался и принялся доказывать мне, что это не вон та команда, а та самая команда. Мы ели ветчину, торт и мятное мороженое, и только одно немножко портило праздник – отсутствие газеты. Она не выходит на Рождество. С другой стороны, следующий день оказался радостнее, чем могло бы быть, потому что утром газета уже лежала в особом ящике, который папа поставил рядом с почтовым. Приятно было видеть, что мир вернулся на свое место.

Когда подходит время ложиться, я сооружаю местечко для Педро. Делаю ему уютную постельку из рекламных листовок. Мама только что с ума не сходит. Но хомячок ничего не пачкает, и на мои простыни никакие какашки не попадают.

– Спокойной ночи, Педро. – Я закрываю глаза. Мне нравится, как он дышит, словно бы с натугой.

На следующее утро мама коротко стучит в дверь.

– Школа!

Она говорит это каждое утро. Педро покакал у себя в постельке, и я собираю какашки на бумагу, спускаюсь и бросаю комок в мусорное ведро на кухне. Мама указывает на ведро лопаточкой.

– Это что там? Какашки?

– Да.

– Тогда вынеси наружу.

– Но там же снег.

– С каких это пор у тебя аллергия на снежинки?

Беру Педро и бумажный комочек, выхожу и смотрю на деревья в конце нашего двора. Мама с папой не знают, что я каждый день трачу вдвое больше времени на дорогу к школе, потому что иду назад, через двор миссис Керри с его

колючими кустами, потом прохожу вдоль ее забора и через площадку возле мусорных баков, по двору семейства Шоуни, мимо их качелей и лишь затем спускаюсь по их подъездной дорожке на Карнаби-стрит, где и находится моя школа. Так делают все, кто живет на нашей улице. Но я не могу. Кэрриг, Пингвин и другие парни обязательно побьют меня, если только попробую воспользоваться коротким путем. Отнимут газету, отхлестают или забросают снежками. В теплую погоду они толкают меня или выбивают из рук сумку.

Хлоя-которая-пахнет-как-печенье ездит на автобусе. Она знает про мой обходной путь, которым я хожу из-за Кэррига Беркуса. Она знает все, знает больше, чем мои родители или учителя. Она – единственная, кто знает про мой сарай. Наше убежище.

Тем же путем я возвращаюсь каждый день после школы и приношу с собой сэндвичи с арахисовым маслом и зефирным кремом. Иногда я слышу ее шаги, и мое сердце бьется быстрее. Потом она входит, сбрасывает рюкзак и начинает жаловаться. В другие дни она не приходит. Темнеет. Я выхожу онлайн и вижу, что она занята с друзьями. Но те дни, когда она приходит, когда я слышу, как она спешит по лесу ко мне, только те дни в счет.

Хлоя всегда говорит, что мы ладим потому, что мы всего лишь дети. Она ненавидит эту фразу. «Как ни поверни, все плохо, – сказала она однажды. – Что-то вроде Ну что с тебя взять? Ты же просто ребенок. Или Ну ты же у нас один такой». – Она облизала губы и отвернулась. «Мы не просто кто-то там. Мы – особенные». И все потому, что я – единственный ребенок. У Кэррига Беркуса четверо братьев и две сестры. Представьте, каково жить со всеми этими детьми. Я так не могу. У нас с Хлоей намного больше общего.

Мама открывает дверь и кричит:

– Завтрак!

У мамы подгоревшая яичница с беконом. Папа читает газету. Добрался до нее первым и теперь передает мне по частям. Я складываю страницы вместе, чтобы газета выглядела как новая, будто ее никто не смотрел. Хорошо во всем этом то, что по большей части папа читает только спортивный раздел.

– Так что в конце года кому-то придется взять Педро, – говорю я.

Мама смотрит на папу, папа надувает щеки, и мама громко вздыхает, а папа смотрит на меня.

– Ты не носишь его в мамину кухню, так?

– Нет! – Мне не терпится попасть в школу и сказать миссис Мерфи, что я хочу оставить Педро. Мне не терпится сказать это Хлое-которая-пахнет-как-печенье. Думаю, девушку можно пригласить, не отпугнув тем, что у тебя домашний любимец. Думаю, поэтому Кэрриг Беркус держит собаку.

Быстро в школу не попадешь. Пробираюсь через кусты, отдуваюсь, как будто убегаю от обидчиков. Бегу со всех ног. Колючка до крови царапает щеку. Я останавливаюсь. Стягиваю перчатку, подношу руку к лицу. На ладони ярко-красное пятно. В кармане ворочается Педро. Вынимаю его и вижу кровь уже на нем. Извиняюсь.

Слышу что-то в кустах, хотя там никогда никого не бывает. Оборачиваюсь. Не вся жизнь мелькает у меня перед глазами, только несколько последних часов, заголовок из сегодняшней газеты – КИБЕРПОНЕДЕЛЬНИК[3 - Понедельник после «черной пятницы» (начинающей сезон рождественских распродаж) – день пика онлайн-торговли.]: ОНО ТОГО СТОИТ? – и запах вчерашнего брокколи вместе с запахом сегодняшней яичницы, тяжелое дыхание Педро, моя кровь на его шерстке цвета какао с молоком.

Но нет, ко мне приближается не кто-то из моих постоянных обидчиков. Этот тип появился у нас то ли в прошлом, то ли в позапрошлом году. Мистер Блэр. Здесь он никому не понравился. С лысиной на макушке, с телефоном на поясе – люди все время над ним смеялись. Но я не смеялся. Нет.

Он быстро приближается, и тут вдруг оказывается, что я не из тех парней, которые сжимаются пружиной, когда приходит время драться. Я замираю. Задыхаюсь. Так бывает обычно на бейсбольном поле во время перерыва.

Что-то бьет меня сверху по голове. Я падаю на землю, а Педро бежит. Прислать помощь он не может. Он зверек и, как говорит мама, принадлежит иному миру. Я – нет.

Они не могут найти Джона. Когда он не пришел в школу, они позвонили его маме, и она сказала, что он не болен и дома его нет. Родители Джона пришли вместе, и вся школа загудела. Так уже было, когда Китти Миллер заболела лейкемией. Родители всегда возбуждаются из-за чего-то ужасного, когда это ужасное случается не с ними. Я и сама не лучше. Помню, как таращилась на Китти, пытаюсь представить себя на ее месте, как будто она была картиной и на нее можно пялиться сколько угодно.

Китти любили, ей писали открытки. Сейчас люди ведут себя так, словно это новость, словно что-то волнующее есть в том, что тот паренек, Джон, он, кажется, пропал. Прошло полдня, а в школе его нет. И дома нет. Нет в кино и нет в торговом центре, но там ли его ищут? Большинство детей, когда сбегает, идут в «пакетик», набирают пива, напиваются, а потом отправляются в «Роллинг Джек» и пробуют новые хоккейные клюшки. Но Джон никогда так не делал.

Я говорила, что искать надо в лесу. Говорила, что он ходит в школу своим особенным путем. Но я не говорила почему. Мне хотелось, чтобы его нашли, но не хотелось стоять перед копом и объяснять, что, мол, Джон ходил через лес, потому что на автобусной остановке к нему приставали. Думаю, копы и сами поняли. Они ищут его, но пока еще не нашли. Скорее бы закончились уроки, потому что тогда я сразу пойду в убежище.

Все уже как бы предполагают, что хороших вестей ждать не приходится, и ведут себя так, словно Джона уже нет в живых. Типа если он не в кино, не в торговом центре и не в лесу, то где же тогда? Можно представить, что было бы, если бы пропал кто-то другой. Кто-то вроде меня или Кэррига. Кто-то, кого любят. Джона Бронсона, пока он был здесь, не любил никто, так что, когда он пропал, ничего не изменилось. Никто не виноват. Так случилось. Что есть, то есть.

На большом перерыве мы втроем – Ноэль, Марлена и я – встречаемся за нашим круглым столом в библиотеке. Пытаемся держаться так, словно все в порядке и Джон не пропал, но получается плохо, фальшиво. Он говорит мне вещи, которые ничего не значат, когда их говорят папа с мамой. Считает, что я особенная. На прошлой неделе я послала ему пропущенные через фильтр фотографии парада в Нью-Йорке, и ему так понравилось. Я посмеялась. «Это не я, это фильтр». «Нет, это ты, – ответил он на полном серьезе. – Ты выбрала правильный фильтр и правильно все оформила». Джон всегда за меня. Он видит то, чего не видят

другие. Ту же самую фотку я отправила Марлене и Ноэль, и они откликнулись обычными сердечками. Они тоже нужны – люди, которые не возносят тебя на пьедестал. Все, что между нами с Джоном, секрет. Он не ушел бы, не сказав мне.

Я говорю об этом, и подруги смотрят на свои телефоны.

– С ним все в порядке, – говорит Ноэль. – А вот тебе надо успокоиться.

Странно только, добавляет Марлена, что он не написал мне.

– А он не злится на тебя за ту шутку с лягушкой?

– Не трогай, – одергивает ее Ноэль.

Лягушка. То, о чем я весь день изо всех сил старалась не думать. За несколько дней до праздника Джон принес в убежище старую мягкую игрушку, зеленую лягушку, которую любил, как ребенка. И было во всем этом что-то мучительно трогательное.

– Ну вот, – сказал он. – Сарай, милый сарай.

Лягушка походила на чучело, и Джон как будто украшал ею дом. Так он пытался подтолкнуть нас еще ближе друг к другу. У меня заколотилось сердце. Он как раз читал тогда книгу о зефирном креме и постоянно говорил об истории его создания, об оборудовании, о завесе секретности вокруг рецепта. Я смотрела на лягушку и не могла отвести взгляд. «Неужели это то, чего я хочу?» Мы никогда не позволяли себе ничего такого. Даже не целовались. Джон читал вслух отрывок из книжки про крем, а я фотографировала лягушку. Потом выставила одну фотку онлайн. Я знала, что делаю. Для Кэррига та фотка была как свисток для собаки.

Уже через несколько минут он заколотил в дверь: «Хлоя, завязывай с этим педиком и пойдем с нами».

Кэрриг был с Пингвином, и они несли про Джона такую пургу. А потом Кэрриг пальнул из пневматического пистолета. Один только раз. Никто не пострадал. Пулька ни в кого не попала. Да и вообще...

– Тебе надо идти, – сказал Джон. – Обо мне не беспокойся, им нужна ты.

И вот его нет, и мир остался без него.

Ноэль качает головой.

– А что тебе было делать? – говорит она. – Сидеть там с ним и ждать, пока Кэрриг разнесет стены? Послушай, это все не имеет к случившемуся никакого отношения.

Я киваю. Ноэль умеет быть убедительной. Говорит что-то, и ей веришь, даже если не веришь.

– Знаю. Я только надеюсь, что Джон не убежал.

Марлена качает головой.

– Не убежал. То есть... Я хочу сказать, что он никогда бы тебя не бросил, ведь так?

И дальше в том же духе. Обычный день, только в темном варианте. Ноэль раскапывает всякие жуткие факты, подтверждающие, что Джон мертв. Кусает свою авторучку с логотипом Дартмутского колледжа[4 - Элитный частный университет в Нью-Гэмпшире.]. Все, все напоминает мне о Джоне. Смотрю на Ноэль и вспоминаю, как сказала ему, что она терпеть не может сериал «Бывает и хуже»[5 - Сериал 2009–2018 гг. о семье с тремя необычными детьми, где события показываются от лица их матери.]. Он заметил, что чувство юмора – это как обоняние. У некоторых оно отсутствует. Вот почему мне так его не хватает. Потому что он – лучший. Забавный. Он понимает. Кому еще, какому другому мальчишке нравится «Бывает и хуже»? Джон говорит, что ситком – отличный, потому что все в семействе Хэк одновременно и умные, и глупые. В большинстве других шоу герои либо одни, либо другие.

– Черт, – говорит Марлена. У нее запутались шнурки. В этом вся Марлена. Для нее важно то, что перед глазами, – шнурки на обуви, теннисные мячики на корте. Ждать, что она поплачет вместе с тобой, бессмысленно. И Ноэль такая же. Ноэль с ее дартмутской ручкой и классным рейтингом. Они обе очень

упорные и серьезные. Джон больше похож на меня, его сердце откликается на всякие глупости. Легко привязывается к тому, что никому больше не нужно, увлекается тем, что никого больше не интересует, – например, историей зефирного крема на своем сэндвиче или школьным хомячком.

– Послушай, что Пингвин написал в «Снэпчате», – говорит Ноэль.

Ну вот. Пингвин. Снова вспоминаю тот вечер. Зеленая лягушка бьется в голове, как липкое сердечко. Черное и белое на фирменном свитере с эмблемой «Брюинз»[б - «Бурые медведи» (англ.), бостонский хоккейный клуб.]. Запах Кэррига. Порох. Пот.

Ноэль не умолкает, талдычит свое. Что, если Джон здесь, в библиотеке, притаился за стеллажами и слушает? Что, если он видит нас, видит, что у нас все нормально? Говорит о Пингвине, а он просто лузер и никогда не уедет в Нью-Йорк, как мы с Джоном. Джон.

Помню, в пятом классе передала ему слова Ноэль, что, мол, я хорошенькая, но не сладенькая, а Джон сказал, что я хорошенькая и миленькая. Правда, больше он этого уже не говорил. А потом все как-то унялось, успокоилось, как будто мы были просто друзьями. Я была совсем еще юная, и меня это устраивало. Мы все – Ноэль, Марлена и я – были юными не по годам, сидели, склонившись над нашими сэндвичами, и понятия не имели, как разговаривать с мальчишками, да и теперь, спустя годы, не имеем, судя по тому, как Ноэль распинается про Пингвина. Пальцы сжимают молочный пакет. Я скучаю по Джону. А он пропал. Неужели это правда? Неужели это явь? Ноэль подмигивает мне – успокойся, а Марлена подталкивает мой молочный пакет линейкой.

Нет, они не плохие. Просто не понимают.

– Извините, – говорю я. – Это шок.

Ноэль вздыхает.

– Нельзя вести себя так, словно ты виновата. Вы с ним приятели, но ведь у тебя в дневнике на каждой странице – Хлоя Сэйерс. И я знаю, что ты зависаешь с этими парнями на Форти-Степс.

Чувствую, как вспыхивают щеки. Это правда. И мне противно оттого, что это правда. Противно оттого, что Ноэль может быть такой, одновременно гадкой, холодной и правой.

– Ладно, – говорю я. – Так что там написал Пингвин?

– В общем, так. – Тон у нее меняется на заговорщический. – У Пингвина отец – полицейский, и он сказал Пингвиньей матери, что родители Джона сказали ему, что Джон спал в постели с хомячком.

Марлена качает головой.

– Я – пописать.

Она уходит, и мы с Ноэль остаемся вдвоем, как бывало в детстве, до того как в город приехала Марлена и мы стали тремя лучшими подругами вместо двух. Ноэль щелкает ручкой.

– Хлоя, Джон действительно спит с хомяком?

Нечестный вопрос. Джон любит Педро. У Кэррига семья держит золотистого ретривера. И никто не видит в этом ничего странного. Можно любить собаку, можно не любить хомячка. Я пожимаю плечами.

– Понятия не имею. А что?

На протяжении дня я все яснее сознаю, насколько мы близки, Джон и я. У него никого, кроме меня, нет. Никто не знает его лучше, чем я. Час идет за часом, Джон не появляется, и ожидание давит все сильнее. Звенит звонок. Ноэль щелкает ручкой.

– Эй, перестань. Я так с тобой только потому, что знаю – все будет хорошо. По большей части всегда все хорошо. Твой дружок, скорее всего, потягивает фраппе[7 - Молочный коктейль с кофе и мороженым.] в «Тенлис».

Перед глазами белые и красные полосы на соломинках «Тенлис», на навесах. Джону там нравится. Многие считают, что это заведение для детишек и

старушек. Каждый раз, когда бы туда ни зашла, там слышится «You Got It All» в исполнении «The Jets»[8 - Американская семейная группа, во второй половине 80-х гг. выступившая с рядом международных танцевальных хитов.]. Моя мама всегда оглядывается: «Разве они только что не ставили это же самое?» Джону песня нравится. И видео тоже – фраппе, пушистые облачка, все такое милое и нежное – во вкусе Джона. Марлена впопыхах – как всегда, опаздывая – возвращается за книжками, мы идем по коридору, болтая о пустяках, и уже кажется, что Ноэль права и все, как обычно, будет хорошо.

После школы я сажусь в автобус и выхожу на ближайшей к дому миссис Маккерри остановке. Сворачиваю незаметно в лес и бегу. Только бы он был в убежище... он должен быть в убежище.

Стучу в дверь.

– Джон?

Он не отвечает, но это потому, что знает – я никогда не стучу. Вспоминаю, как утром полицейский спрашивал, с кем еще из ребят ему можно поговорить о Джоне.

– Ни с кем, – сказала я. – Только со мной.

Я открываю дверь, но Джона нет.

Хлоя

Сколько недель я не давала маме покоя из-за тех белых сапожек, что нашла онлайн. Джон знал о них – я показала ему картинку.

И что будет, когда ты получишь эти волшебные сапожки?

Надену и буду счастлива.

А что потом?

Мы были в убежище. За несколько дней до Дня благодарения. Мы смотрели «Бывает и хуже» и болтали ни о чем. Тот вопрос до сих пор не идет из головы. «А что потом?» Тогда у меня не нашлось ответа. Нет его и сейчас.

В день перед исчезновением Джон прислал мне статью из «Телеграф», метеорологический прогноз, обещавший меньше снега этой зимой. «Покажи своей маме, и она купит тебе сапожки». Прошлым вечером, услышав, что я плачу, мама не выдержала. И вот они прибыли.

– Это ошибка, – говорит она. – Они помогут тебе на минутку, а потом будут только напоминать об этой беде.

– Думаешь, его нет, да?

Она не отвечает. Мы обе думаем об одном – Джон мертв.

Мама первой нарушает молчание.

– Тебе лучше поспешить.

Мы идем искать Джона. Сегодня пятый день, и Джон где-то там, неведомо где. Адреналин покалывает иголочками пальцы. Я открываю коричневую коробку, вдыхаю запах новой обуви, снимаю розовую оберточную бумагу, вижу яркий стикер – он так легко снимается. Сапожки точно такие, как на картинке, непрактичные, – но я хотела их, и когда твой лучший друг исчезает, у тебя появляется новый способ получить желаемое.

Мы еще не начали, а я уже чувствую, что натру ногу. Здесь полицейские, несколько незнакомых мужчин из города, есть и дети. Девочки из «Герл скаутс» приготовили бумажные пакеты с печеньем, орехами и бутылочками с водой, такие маленькие, что их можно выпить одним глотком. «Роллинг Джек» обеспечил всех грелками для рук. Паренек из нашей школы говорит, что пришел только ради бесплатных штучек. Но люди часто говорят что-то такое, чтобы справиться с собственным страхом. По крайней мере я надеюсь, что это так. Едва увидев меня, Ноэль переводит взгляд на мои сапожки.

– Господи. Это те, что ты показывала мне онлайн?

Лучше бы я их не показывала. Наверное, коп, услышавший, как она сказала это, подумал, что я показывала их ей после исчезновения Джона.

– Да, – говорю я. – Марлена уже здесь?

Ноэль потирает ладони.

– Нет. Но здесь фургон от Пятого канала.

Молодой полицейский то и дело трогает кобуру. Щеки покраснели от холода.

– Вы его подруга, да?

Ноэль берет меня под руку, подтверждая, что ей важно прежде всего показать себя.

– Мы – подруги. Я – ее лучшая подруга, а Джон... да, мы лучшие подруги.

Он кивает.

– Люди еще будут?

Они оба смотрят на меня, Ноэль и коп. И другие тоже. Родители Джона – плачущая, непрерывно курящая мать и печальный, подвыпивший отец. Одинокая девушка из моего спортивного класса. Парнишка из приемной семьи, появившийся перед тем, как открылись двери школы. Еще пара родителей, должно быть, знакомые семьи Джона. Поисковая группа ужасающе маленькая, и я смотрю на свои белые сапожки.

Моя мама делает шаг вперед. Я и забыла, что она здесь.

– Я останусь здесь, буду держать форт и потом выйду с опоздавшими.

В кино, когда показывают поиски пропавшего ребенка, мы видим идущих стеной людей. Они громко перекликаются, и у зрителя возникает уверенность, что если не сегодня, то завтра ребенок будет найден. У нас полная противоположность. Реденькая, нестройная толпа. Мама Джона плачет и постоянно пререкается с полицейским. Говорю вам, там что-то есть, за той березой. Вы не видели человека в том доме? Вам не показалось, что он какой-то странный? Кто, увидев, что происходит, станет закрывать жалюзи? Можете послать туда кого-нибудь, чтобы с ним поговорили? Нас так мало, что даже с подружкой поговорить невозможно, – нет никакого шумового фона. Но, с другой стороны, нас достаточно много, и мы так растянулись, что и общего разговора уже не получается.

Наш молоденький коп идет впереди с фонариком и мегафоном. Отец Джона набрался и поет «America» Саймона и Гарфанкеля[9 - Легендарный фолк-дуэт.]. Чем дальше, тем больше пьянеет, и чем меньше смысла во всей этой затее, тем сильнее ощущение, что это тупик.

В какой-то момент я не выдерживаю и даю волю слезам. Ноэль сжимает мою руку.

– Все хорошо, птенчик. – Она не называла меня так с самого детства, и ничего хорошего нет и не будет, и я уже не птенчик. Я плачу, потому что мы не можем найти Джона, потому что болят ноги, потому что белая кожа пропитается кровью, потому что мозг – это ужас сколько всего в нем может находиться. Мама была права. Сапожки – ошибка.

Мы добираемся до убежища. Моя мама сидит там со своим «киндлом». Она прячет читалку в сумку и поправляет волосы, как замужняя женщина, которую застукали на свидании с риелтором.

– Больше никто не пришел. Что-нибудь нашли?

Телевизионщики еще не уехали. Мама говорит, что они хотят поговорить со мной и у них есть камера и освещение. У парня из группы новостей белые-белые зубы. Я таких еще не видела, они даже белее моих сапожек. Спрашивает, как идут поиски. Я открываю рот, но он подмигивает: «Можешь сделать три шага вправо? Нам нужна видимость толпы. Вот так лучше».

Дома я прячу сапожки подальше в шкаф, туда, где лежит мой старый танцевальный костюм. Грею ноги в ванне и вспоминаю, какие глупости наговорила тому парню из новостной группы. Меня попросили сказать что-нибудь Джону на случай, если он слышит, и я посмотрела в камеру и улыбнулась.

– Джон. Не беспокойся из-за «Телеграф». Я сберегу для тебя все номера, даже проспекты и купоны. И, конечно, комиксы.

Я снова улыбнулась. Как будто боялась, что люди увидят, как мне плохо. Как будто плакать можно только здесь, в ванной, глядя на бедные, стертые до крови лодыжки. Потом я пошла к себе в комнату и поняла, что здесь уже побывала мама. На кровати стояла новенькая коробка с «Бэнд-эйд». Мама даже расстелила постель, чего не делала с тех пор, как я была маленькой.

Слез уже не осталось. Я беру телефон, но фоток Джона в нем мало. Он не любил, когда его снимали.

Не любит.

Прокрадываюсь по коридору в мамин кабинет и беру один из ее блокнотов с желтыми страницами. Вернувшись в комнату, запираю дверь. Прячусь под одеяло с фонариком. Пытаюсь нарисовать его лицо, сделать его как можно реальнее, правильного размера, с головой чуть больше, чем моя собственная. Мысленно я вижу его ясно, вижу чувство в его глазах, но передать на бумаге не могу, потому что плохо владею карандашом и ручкой. Мои стертые лодыжки – мелочь в сравнении с этим отчаянием, внутри закипает злость – передо мной на мокром от слез желтом листке какие-то жалкие царапины. Рисунок несколько не совпадает с тем образом, что в мыслях, в сердце.

На следующий день вижу на пальце свежую мозоль. Поглаживаю ее, ровняю. Я не вылезаю из постели, не готовлюсь к школе. Беру блокнот и начинаю рисовать заново.

Хлоя

Каждое утро я встаю пораньше, чтобы нарисовать инициалы Джона на шее, ключице или запястье, а потом выхожу, достаю из пластикового рукава «Телеграф», разглаживаю газету и добавляю к стопке в моей комнате. Родителям это все – рисованные тату и газета – не нравится. Я бы сделала настоящую наколку. Хочу, чтобы на теле была постоянная отметина. Отвратительно, что о нем уже забывают. Хочу, чтобы люди знали, что я скучаю по нему, люблю его, что нельзя делать вид, будто ничего не случилось. По Джону не проронили и слезинки, и каждый день я пытаюсь напомнить им об этом. Я неровно постриглась, перестала брить ноги и подмышки. Я подвожу глаза черным карандашом и ношу жесткие расклешенные джинсы. Увидев джинсы, мама принялась рвать на себе волосы: «Этим ты его не вернешь».

Меня трясет, когда люди говорят такое. Конечно, я знаю, что этим его не верну. Понимаю, что, обрезав волосы, не изменю ход вещей во вселенной. Но я делаю это для того, чтобы, если и когда Джон вернется, он увидел, как сильно мне его не хватает. Это все – доказательства. Он ахнет и скажет: «Хлоя, это ты?» Я хочу выглядеть по-другому, потому что я – другая. И когда мы обнимемся, я снова стану той, по-домашнему привычной, той, которой была с ним, той, быть которой не могу без него. Я купила книжку про зефирный крем, но не заглядываю в нее – без него это неинтересно.

Ноэль и Марлена стараются помочь, сделать так, чтобы я почувствовала себя лучше, но я хочу чувствовать себя плохо, хочу быть девушкой, которая попала в тупик, когда исчез ее лучший друг.

Ноэль смотрит на мое нарисованное тату.

– А в воду с этой штукой можно?

– В какую воду?

Марлена вздыхает.

– Аквапарк «Уотер уиз». Классная поездка.

– А, да. В воду можно.

Ноэль кусает губы.

– Я пошутила. Тебе надо немножко расслабиться.

Марлена берет поднос.

– Извини. У меня практика.

Ей надоело, что Ноэль постоянно дает мне указания – улыбаться, мыть волосы, ходить в молл – в «Роллинг Джек» сегодня распродажа, пойдем за новыми купальниками, – а мне надоело эти указания слушать. Надоело говорить, что я не хочу улыбаться, не хочу мыть волосы, не хочу ходить в этот треклятый молл и примерять купальники. Хочу быть печальной и несчастной, потому что пропал мой лучший друг.

Ноэль берет поднос.

– Для полной ясности, – говорит она. – Татушка у тебя на шее смотрится глупо, и Джон первым тебе бы об этом сказал. И если он хотя бы наполовину такой, каким ты его расписываешь, он бы сказал еще, что выглядишь ты дерьмово.

В художественном классе полегче. Здесь меня не знают, здесь на меня не обращают внимания, здесь всем нравится, что я стараюсь не выделяться.

Рози Ганеш вырывает волосок на щеке.

– Есть. Ты только посмотри на эту мерзость.

Рози Ганеш – фрик. В город она приехала в прошлом году и живет с отцом и кучей кур. У нее пирсинг, она без ума от Йена Зиринга и носит футболки с его физиономией. Все ее закидоны совершенно бессмысленные и ни во что цельное не складываются.

– Хочешь сделать настоящую татушку? – спрашивает она.

– Но их делают только тем, кто достиг определенного возраста.

Рози ухмыляется. У нее не хватает одного нижнего зуба.

– На выходные приезжает моя тетя. Со своим бойфрендом.

Смотрю на нее непонимающе.

– И что?

– Этот ее бойфренд – татуировщик. Инструменты у него всегда с собой. Так хочешь настоящую?

За обедом мама замечает, что я что-то замышляю. Папа теперь совсем другой, как будто боится меня.

– На случай, если вы, девочки, хотите побыть одни... – Он забирает свою тарелку.

– Нет, пап, – говорю я. – Можешь остаться.

Он смотрит на маму. Она кивает. Со мной они обращаются так, словно я только что вернулась домой из психушки и могу в любой момент начать бить лампы. Им не нравится моя одежда, не нравится, что я никогда не улыбаюсь.

– Ну вот, – говорю я. – Моя подруга Роза попросила, чтобы я переночевала у нее в этот уик-энд.

Папа поперхивается колой.

– Ух ты. Здорово. Кто такая Роза?

– В этот уик-энд? – с безразличным видом интересуется мама. – Но у тебя же аквапарк.

– Я не поеду.

Мамино сердечко практически шлепается на стол. Шмяк.

– О... Но разве вы не едете всем классом? Я, кажется, и разрешение уже подписала?

– Да. Но ведь это не обязательно.

– Но все же едут.

– Не все, – говорю я, и это ложь. Едут все. Даже детишки. В школе это большое событие, что-то вроде ритуала посвящения.

Мама качает головой.

– Ты знаешь, что я скажу.

– Ты не обязана ничего говорить.

– Хлоя, дорогая, ничего хорошего из твоего протеста против всего, что приносит радость, не выйдет.

– Это всего лишь дурацкий аквапарк с вонючей водой. Ты же сам знаешь, пап, что так оно и есть.

Он кивает.

– Никто не обязывает тебя лезть в воду. Но в том, что говорит мама, есть смысл.

Ну вот, еще одна лекция. Все это я уже слышала много раз. По мнению мамы, лучшие мероприятия те, на которые идешь против собственного желания. Папа же считает, что поездка на автобусе уже сама по себе пойдет мне на пользу.

Я беру свою тарелку и швыряю ее в стену. Раньше ничего подобного я не делала. Тарелка не разбивается. Нет ни красного соуса, ни разлетевшихся капель, только пятнышко от картофельного пюре. Хочу, чтобы родителям было так же больно, как мне. Хочу, чтобы они так же скучали по нему. Одиночество невыносимо. Хочу, чтобы они больше плакали, чтобы были добрее к его родителям, чтобы его родители были добрее ко мне, а я к нему. Может быть, я схожу с ума. Но ощущение утраты слишком тяжело, оно как бесконечный укол

столбняка – иголка в руке, звон в ушах: «Где он? Как он? Почему?» Мама вскидывает руки.

– О'кей, – говорит она. – О'кей.

Дом Розы Ганеш находится на участке вдалеке от центра города.

Мама припарковывается у тротуара.

– Ты уверена, что здесь безопасно?

Я вздыхаю и говорю то, что ей нужно услышать.

– Мам, все будет хорошо.

Иду по длинной подъездной дорожке. Глаза слезятся. По пути сюда я просматривала видео с «Уотер уиз» и теперь чувствую себя идиоткой.

Розы встречает меня усмешкой.

– Робеешь?

– Нет, – отвечаю. – А что? Твой дядя забыл иголки или что-то еще?

Она смеется, машет, приглашая меня в дом.

– Он мне не дядя. Он бойфренд моей тети.

Они совсем не такие, какими я их представляла. Не столько байкеры, сколько хиппи – готовят киноа, говорят о ГМО и комиссионках. Татуировщика зовут Девин, у него длинные волосы и улыбка от уха до уха. Его подруга – тетя Розы, Анита – украшена множеством татуировок и носит волосы почти такие же длинные, как у Девина. Отец Розы – фермер в комбинезоне. Он огромный, настоящий гигант, особенно в сравнении с Девинем и Анитой, к которым как

нельзя лучше подходит выражение «кожа и кости». Лицо красное, но не потому, что он пьет, а от солнца и смеха. Они все такие чертовски счастливые, и тут Роза со своими мрачными рассказами и угрюмостью.

Она – лгунья. Подделка. Но, с другой стороны, а кто тогда я? Уже дважды сходила в ванную посмотреть, что нового в аквапарке.

Как нормальная семья, мы сидим за столом на свежем воздухе, и в какой-то момент Девин перехватывает мой взгляд.

– Мне жаль, что с твоим другом такое случилось.

Я смотрю на Розу, и она пожимает плечами.

– В твоём возрасте делать тату незаконно, вот мне и пришлось объяснить, в чём дело.

Мы едим вегетарианские бургеры и киноа[10 - Зерновая культура из Южной Америки.], говорим о Джоне, вспоминаем другие печальные истории о пропавших и похищенных детях, черном рынке, героине, всяких темных вещах в мире и предлагаем свои варианты событий.

Роза говорит, что её тронуло моё искусство. Вот так мы и подружились. Смотрю на мою пустую тарелку и чувствую, что меня тошнит. В голове только одна мысль: «Я не твоя подруга. Я ничья подруга».

– О'кей. – Девин поднимается. – Роза, думаю, тебе лучше подождать здесь. Готова, Хлоя?

Поверить не могу, что собираюсь это сделать. Поверить не могу, что я, та, какая есть, иду за татуировщиком Девином по дому, которого не знаю.

Все свои инструменты Девин держит в арт-студии Розы. Обещает не говорить глупости, вроде расслабься и дыши. Говорит, это мой шанс спросить о чём угодно, задать любой вопрос.

– Думаете, Джон мертв? – вырывается у меня.

Девин садится на стул. Сколько ему – двадцать пять или сорок пять, – определить невозможно. Борода сбивает с толку.

– Дело в том, – продолжаю я, – что если он не мертв – а я на самом деле не думаю, что он мертв, – то я не хочу, чтобы это выглядело как «покойся-с-миром». Понимаете?

– Понимаю. Но тату, в общем-то, делается для тебя. Мы можем поместить его не на виду, уменьшить или увеличить. Кроме тебя, это никого не касается.

Чувствую, что краснею. Чувствую себя такой мелкой. Глупой. Никогда раньше не думала о тату как о чем-то для себя.

Девин закрывает свою книжку со шрифтами. Говорит, в том, чтобы отступить, нет ничего плохого, а Роза мы скажем, что это его решение.

– Спасибо, – благодарю я. – Вы – симпатичный человек.

Он смеется, обнимает меня и говорит, что не надо верить каждому, кто доказывает, будто потом будет лучше.

– Лови волну. Не жди. Не бойся. Просто лови.

Роза не дура. Понимает, что я струсил.

– Если бы сюда вошел сам Бог и сказал, что ты можешь променять меня на Джона, ты бы променяла?

– Что за глупость.

Я ушла от ответа, и это уже ответ, так что я несколько не удивилась, когда в понедельник она не села со мной. Нет, она не игнорирует меня, ничего такого. Здороваются, мы обмениваемся шуточками насчет этих дурацких футболок «Уотер уиз», в которых все пришли сегодня, но мы обе знаем, что больше не подруги. Это то, что ты чувствуешь, то, что мне уже знакомо, что я знаю, когда вижу в коридоре Марлену и Ноэль и понимаю, что теперь они – две лучшие

подруги. Две вместо трех.

Ночью мне приходит в голову, что у меня нет теперь друзей. Нет друзей, кроме Джона. А у Джона всегда был один друг. У него всегда была я.

Беру книгу, которую он читал, когда исчез, книгу о зефирном креме, но засыпаю, и мне снится Кэрриг Беркус. Во сне у меня длинные волосы и гладкие ноги, и я крепко его обнимаю.

Мой терапевт говорит, что для девушек естественно разделять вожделение и любовь; Джон – для интимного общения, Кэрриг – вожделение. Она говорит, что жизнь – это процесс, путешествие, а не пункт назначения, что мои фантазии с Кэрригом не означают, что я не скучаю по Джону.

– А теперь расскажи мне о вашей поездке классом. Знаю, для тебя это был вызов. Знаю, это трудно, но расскажи мне об аквапарке. Ты получила удовольствие?

Сглатываю.

– Да, было здорово, – говорю я, потому что вся моя жизнь – ложь, даже та часть, где выкладываешь все. – Я так рада, что поехала.

Хлоя

Мое сердце не разбилось, но треснуло.

Я так хранила верность, сберегала каждый выпуск «Телеграф», рисовала его каждый вечер. Моя мама радуется: искусство – позитивный защитный механизм. В голове у меня идет отсчет дней. Но что-то случается, что-то отвлекает. Я получила А по художественному творчеству, и мне позволили перейти на семинар. Я заболела гриппом. Отстала от класса и позабыла про «Телеграф». И вот уже как-то вдруг я ловлю себя на том, что не помню, сколько дней его нет; в какой-то момент я просто сбилась со счета. Жизнь шла, в ней что-то случалось без Джона, и эти события отдаляли меня от него. Рана как будто затягивалась, и я ничего не могла с этим поделать.

Звонит телефон. Я все еще надеюсь, что это Джон. Я всегда надеюсь, что это Джон.

Но это не он. Всегда не он.

Звонит мама Марлены. Спрашивает, почему я не ответила на приглашение на вечеринку по случаю дня рождения Марлены. А не ответила я, потому что меня не пригласили. Я отдаляюсь от Ноэль и Марлены, таю дымкой на полу спальни с блокнотом для рисования. Я так и не поздравила Марлену с победой в одиночном разряде по теннису, так и не помогла Ноэль развешивать постеры перед заседанием ученического совета. Должно быть, их это задело.

Перевожу дыхание. Моя мама назвала бы это достижимой целью. Обещаю, что пойду к Марлене на день рождения. Мама крепко меня обнимает.

– На дворе весна. Хочу, чтобы ты немного повеселилась.

На вечеринке я воссоединяюсь с миром живых. Мы втроем – я, Ноэль и Марлена – болтаем едва ли не до ночи. «Мы скучали по тебе», – тянет Марлена приторным, как у ее матери, голосом. Ноэль держится настороженно. Тычет в меня дартмутской ручкой.

– Проберись-ка вниз да принеси нам бутылочку.

На цыпочках спускаюсь по лестнице, открываю шкафчик. Думаю о подсолнечниках на нашем заднем дворе и как они клонятся к солнцу. Вот в чем дело. Мне нравится быть пьяной. Ноэль говорит, что у меня выросли груди. Я и забыла, что я – девушка, что я – хорошенькая. Я не такая, как Джон. Думаю о его глазах. Проникнуть в них было куда труднее, чем в винный шкафчик семейства Марлены. Беру бутылку «Файрбола»[11 - Крайне популярный в последние годы в США сладкий алкогольный напиток с коричневым вкусом, изготавливаемый на основе канадского виски.] и закрываю дверцу. Но наверх поднимаюсь не сразу. Может быть, такой и будет отныне моя жизнь: вечеринки с ночевкой, выпивка. Джон, вероятно, мертв. И уже не важно, что я скучаю по нему. Этим его не вернуть. Время уходит, и никакими рисунками в блокноте это не изменишь.

На следующее утро просыпаюсь с больной головой. Чувствую себя постаревшей. Иду домой, достаю из-под кровати коробку с «Телеграф». Выхожу во двор под

слепящее безжалостно солнце и бросаю коробку в мусорный бак. Перевожу дух. Стою, жду, что он вернется. Разве не так бывает в жизни. В ту самую секунду, когда сдаешься, ты вдруг получаешь желаемое. Он не появляется. Подъезжает мусоровоз, забирает мои бумаги, и вот уже их нет. Мама ничего мне не говорит, но, вернувшись из школы, я замечаю, что она пропылесосила у меня под кроватью. Это она так сказала спасибо.

На вечеринке у кузины Ноэль в Манчестере целую какого-то мальчика. Даже не знаю, как его зовут. У него большой и проворный язык. Какой язык у Джона, я не знаю. Наверное, и не узнаю никогда.

За ланчем Ноэль толкает ногой мою ногу. Понедельник После Моего Первого Поцелуя После Исчезновения Джона.

– Что? – спрашиваю я. Может, сделала что-то не так?

– Ничего, – говорит она. – Просто хорошо, что ты здесь.

Ей нравится командовать, всегда говорил Джон. Но это и хорошо. Будет править миром, станет президентом или кем-то еще. Ноэль постукивает по столу дартмутской ручкой.

– Надо бы как-нибудь потусоваться у бассейна.

Иногда я рисую трещину в моем сердце. Она расширяется, когда что-то напоминает мне о Джоне. Он всегда говорил, что в бассейне полно микробов, даже в чистом, и особенно в бассейне Ноэль, потому что там старая плитка. Все как-то связано с Джоном, а Джон не умел плавать под водой. Какими мы были детьми. Все вокруг – Джон.

– Твой бассейн грязный, – бросаю я.

– Бассейн как бассейн, – возражает она. – И я единственная, у кого он есть. Надо всех оповестить. Парням бассейны нравятся.

Марлена пожимает плечами.

– Я за, если можно поплавать.

Последний раз Ноэль пыталась организовать что-то у бассейна, когда мы были в пятом классе. У меня воспалился палец на ноге, и я сказала, сославшись на Джона, что подхватила инфекцию в ее бассейне. Она ответила, что, мол, Джон сам – инфекция. Ноэль знает, что я думаю о нем, что я на его стороне. Если поругаюсь с ней из-за бассейна, то больше не увижу ее этим летом. Так что, конечно, говорю, что я тоже за.

Родители Ноэль переложили плитку вокруг бассейна. Кэрриг подписался на мой «Инстаграм» и ставит лайки под всеми моими фотками бассейна, и вот уже это наша общая жизнь.

Мама счастлива – наконец-то у меня настоящее лето. Мне нравится в бассейне. Попад в воду, надо держаться на плаву. Все просто. Быть там, где я никогда не была с Джоном... комфортно. И, может быть, вода запечатывает трещинки в моем сердце. Марлена и Ноэль в воде ведут себя как дети, и это так мило.

Однажды вечером мы, с мокрыми головами, идем в кино и натыкаемся на них, на парней – Кэррига с Пингвином и Эдди Фика. Ноэль болтает за всех. Им надоел их бассейн, они хотят в ее. Как им хочется побыть с нами полуголыми. Не могу уснуть. Представляю, как пальцы моих ног касаются в воде пальцев Кэррига. Ну и что, что он придурок. Он будет в шортах, без рубашки.

Мне бы ненавидеть его за то, как он задирает Джона. Как выставлялся, как позировал, присев над убитым оленем. Улыбался, как новоявленный отец или герой футбольного матча. #ПокаБэмби[12 - Хештег намекает на знаменитый диснеевский мультфильм про олененка Бэмби, где жертвой охотника становится его мать.]. В коментах он защищался: «Охота разрешена законом, посмотри сам, недоумок».

Он все упрощает. И сам простой, как гвоздь: оружие, «кубики» на «прессе» и треники – вот он весь. Но в картине жизни и смерти Кэрриг – жизнь. В его улыбке есть что-то, что заставляет прощать его. Он не жуткий старик-дантист, убивающий редких животных в чужой стране. Он просто ребенок. Туповатый. Счастливый. Охотник, родившийся там, где людям нравится охотиться.

Прислушавшись, можно услышать, как бьется его сердце.

В субботу я надеваю красный с белым раздельный купальник, и мама говорит, что я как будто другая. Краснею.

– Сегодня могут быть мальчики.

Она улыбается.

– Хорошо.

Вот и они. Без рубашек. Я стесняюсь смотреть на Кэра и флиртую с Эдди, качком с крохотными глазками и размягченными мозгами, малышом-великаном, который может убить тебя, если захочет, но не захочет и не убьет, потому что он малыш-великан. Но я постоянно ощущаю присутствие Кэррига и чувствую, что он наблюдает за мной. Ноэль выбирает первая, и ее выбор – Пингвин. Она победитель, взяла того, кто гарантированно скажет: «Да, детка, давай ко мне». Марлена уединяется с Эдди, и я остаюсь с Кэрригом. Мы бороздим воду, колеблемся, треплемся ни о чем: как тебе лето? Хорошее. А тебе? Тоже. Но все реально, наяву. Тяжелый ком в горле, звук открывающегося другого мира. Нас стягивает какая-то струна.

Я люблю Джона. И хочу Кэррига. Должно быть, у меня ненормально большое сердце. Или, может быть, это просто бассейн и лето, лето, когда мы получили мальчиков, лето, когда Джон стал чем-то вроде застрявшей под веком реснички, которая слепит до слез, но в конце концов выпадает.

Четыре года спустя

Джон

Однажды мы с Хлоей заговорили о смерти. Я сказал, что, по-моему, ты просто умираешь – и все, а она сказала, что, по ее мнению, ты превращаешься во что-то, может быть, не в кролика, но во что-то. Мы оба ошибались. Смерть – это

смертная скука. Ходьба по лесу. Определить, как долго я это делаю, невозможно. Мистер Блэр тянется за мной, и каждый день – это утро понедельника в конце ноября, серо и холодно, опавшие листья на земле, вибрация в небе. Я не знаю, куда мы идем, и, хотя идем без остановки, никуда не приходим.

Я скучаю по ней. Скучаю по ней.

Но плакать не могу. В этом лесу не поплачешь. Пищи нет, потому что нет голода. Ни зевоты, ни сна, ни усталости, ни закатов, ни фрэппе со вкусом арахисового масла и зефирным кремом. Ничего. В нашем мире нет мира, только я и он. Он подгоняет меня, когда я замедляю шаг, когда знает, что я думаю о ней, когда поскальзываюсь. Давай, Джон, так держать.

Я не могу говорить. Голос пропал. Зато он говорит, бормочет что-то про листья, про жизнь. Начинаю думать, что лучше бы я умер и не скучал так сильно по ней, но я уже мертв. И это ад, потому что у листьев есть зубы, и они кусают меня иногда, но крови нет, а есть лишь боль.

Ты облажался, Джон. У тебя был шанс, и ты его упустил.

Смотрю на пустое полотнище грозящего снегом неба, в ушах неумолкающий хруст. Пусть бы снег падал хлопьями, чтобы ничего не слышать.

Ты бы не был здесь, Джон, если бы рассказал ей о своих чувствах. Ты и сам знаешь.

Я поворачиваю голову, пытаюсь заговорить, но листья на земле вспыхивают ярко-зеленым сиянием, и электричество сочится по их прожилкам и перетекает в меня, в мои вены.

Не оборачивайся, Джон. Я же сказал, назад пути нет. Пора бы запомнить.

Но потом все останавливается. Листья повисают в воздухе, словно кто-то ткнул в клавишу «пауза» на экране нашего мира. Ни движения, ни голоса. Я задыхаюсь. Ребра гнутся, хрустят. Не могу дышать. Горло забито. Зефирный крем. Я падаю на опавшие листья, дыхание обрывается, небо твердеет, превращаясь в бетон,

белеет и коченеет. Я не хотел этого мира, но сейчас теряю его, белая мгла внутри меня, снаружи.

А потом... ничего.

Я вижу красное. Темно-красное у меня в голове застилает все остальное, оно темнее крови... боль.

Где я? Что случилось? Не пойму. Но я, должно быть, жив, потому что боль, какой я еще не знал, рвет горло, пульсирует красным. Мало-помалу проступает остальной мир. Скрученная простыня в руке. Больничная кровать. Но я не в больнице. Я в узкой комнате. Бетонные стены без окон и потолок. Возле головы шипит галогенная лампа. Вокруг какие-то домашние растения, похожие на те папоротники, что можно увидеть в «Кеймарт».

Не знаю, что это за место, это пропахшее плесенью подземелье, но похоже на подвал. Пытаюсь думать о последнем оставшемся в памяти дне. Что я помню? Лес. Дрожащий Педро. И потом этот тип. Роджер Блэр. Это он меня забрал.

Он забрал меня, и вот я здесь. На кровати. Боль в горле. И тут до меня доходит. Дыхательная трубка. Он вставил мне в горло дыхательную трубку. Но зачем? Как?

Срываю простыню и с удивлением обнаруживаю, что я в нормальной одежде – спортивные штаны, толстовка. Но тело мне не знакомо. Оно слишком большое, здесь что-то не так, это не я. Руки – мужские, а не мальчишеские, и Педро утонул бы в них сейчас. Ноги – длинные, слишком длинные для тела. Грудь – широкая, мускулистая. Может, он вынул мою душу и засунул в труп. Нет, это, конечно, глупость. Я это я. Левый указательный палец выгнулся, будто пытается сбегать. На руках волоски. Я уже не столько подросток, сколько мужчина. Кашляющий, высокий, прямо-таки здоровяк из рекламы бумажных полотенец, который мог бы выкрутить лампочку в нашей гостиной, – мои родители, где они? – и я сижу на кровати.

Напрягаю мышцы – твердые, не мои, как они могут быть моими, – но они под моей кожей, они поддерживают меня. Как такое возможно? Сколько времени прошло? А если...

Хлоя. Желание вырывается криком из глубины.

Жизнь, чувства, они мимолетны, они проходят, хочешь ты того или нет. Я сижу, дышу, и шок понемногу истекает. Мне нужна свежая, ясная голова. Мне нужно успокоиться и выбраться отсюда.

Возле кровати тумбочка. Похоже, он оставил какие-то вещи, этот псих. Высокий стакан воды – не пей, Джон, – но я отпиваю, потому что я это все еще я, потому что горло горит и нет сил сопротивляться. Потертая книжка. Беру ее. Г. Ф. Лавкрафт. «Ужас Данвича». По обложке расползаются жуткие зеленые щупальца.

Зачитанная, замусоленная. Принеси такую в нашу школьную библиотеку, и получишь выговор от миссис Уаймен. Открываю. Книжка небольшая, и сотни страниц не наберется. Останавливаюсь на любимых абзацах мистера Блэра, тех, которые он подчеркнул.

...в 5 часов утра родился Уилбур Уотли... темноволосым, похожим на козленка... собаки ненавидели мальчика... ты растешь, а оно растет быстрее...[13 - Перевод П. Лебедева (здесь и далее).]

Самое важное не здесь, не в тексте, а на внутренней стороне обложки, в письме, написанном мне мистером Блэром. Я знаю его почерк со школы.

Джон,

ты был в медикаментозной коме. Ты в порядке. Ты свободен. Делай что хочешь, но сначала несколько слов, совет от твоего старого учителя...

Время движется вперед. И ты тоже должен двигаться вперед. Ты обладаешь силой, которая явит себя постепенно, чтобы не ошеломить тебя. Прими ее легко.

Ты особенный, Джон. Всегда был таким. Но двигаясь вперед, ты обнаружишь, что быть особенным хорошо. Мы славно поработали здесь, будет интересно посмотреть, что из этого выйдет.

Добро пожаловать, Джон.

Р. Б.

Слова расплываются перед глазами. Мы славно поработали здесь... Нет, не поработали. Нет никаких мы, ты, псих. Не понимаю, о чем он говорит. Ничего не помню. Сколько я здесь? Мистер Блэр не нравился мне тогда, не нравится и теперь. Голова раскалывается, руки дрожат. Пытаюсь построить мостик между тогда и сейчас.

Тогда это был странный тип с курчавой «кефалью»[14 - Прическа; волосы коротко стрижены спереди и с боков, а сзади сильно отпущены.]. Постоянно ел йогурт и облизывал мягкую крышечку на глазах у всего класса. Навязывался мне в друзья и смотрел на меня так, словно я не ученик, а учитель. Ты веришь этим идиотам, Джон? Люди смеялись, ведь никому не хочется приятельствовать с психом. Когда Кэрриг приклеил к парте мои руки, мистер Блэр сказал, что я могу заткнуть за пояс этого болвана. Помню, я подумал тогда, что, заступаясь за меня, он только вредит. Нет ничего хуже, чем иметь на своей стороне неподходящего союзника. Ты обладаешь силой, силой, которая явит себя постепенно, чтобы не ошеломить тебя.

Что бы это значило?

В те времена он был самый жутковатый тип. Он говорил нам: «Щенки, вы так дорожите мнением посторонних, вы тратите силы, гоняясь за похвалами чужаков». Когда мы достали его в следующий раз, он напугал нас таким заявлением: «Нежные цветочки, неужто матери не научили вас видеть различие между палками, камнями и словами?» Что бы ни случилось, он всегда возвращался, даже после того, как плюнул в Кэррига: «Ты никогда никем не станешь, унылый говнюк». Директору никто не пожаловался. На психов не жалуются; ты просто идешь на следующий урок. Я никогда не смеялся над мистером Блэром.

Но теперь я здесь.

Мы славно поработали...

Швыряю «Ужас Данвича» в стену. Лучше бы он не писал ничего в книге. Лучше бы не было никакого письма. Лучше бы все было проще и меня похитил и запер здесь какой-нибудь урод-громила. Я против него. Но эта книга, письмо... Он сделал меня частью чего-то. Оставить книгу здесь, чтобы ее кто-то нашел, нельзя. Теперь она моя. Хочу я того или нет, этот гребаный «Ужас Данвича» мой.

Засовываю книгу в карман. Добро пожаловать, Джон.

Возле двери новенькие кроссовки «Найк» и носки. Наклоняюсь, моргаю, завязываю шнурки. Оказывается, я могу двигаться, могу бежать вверх по ступенькам. Во мне должно быть футов шесть росту[15 - Чуть больше 1 м 80 см.], и я шагаю через ступеньку. Никогда не был таким сильным, таким большим. Мысленно кручу глобус. Я могу находиться где угодно, в любой точке мира. В Сибири. В Теннесси. Я на верхней ступеньке и ничуть не запыхался. И горло болит меньше. Открываю дверь, выхожу в темную комнатку, стены которой завешаны старыми календарями. Во всем этом что-то знакомое, а запах говорит, что я не в Сибири.

Открываю еще одну дверь. Здесь светлее. Это пустой магазин, витрины заклеены пожелтевшими страницами «Телеграф». Дом. Слышу музыку. Запах здесь сильнее. Горчица и корица, то, что кладут на крендели. И тут до меня доходит.

Это молл. Я в торговом центре.

Хуже этого только книга в моем заднем кармане. Во всем случившемся какая-то невероятная ущербность: меня похитили и засунули в подвал торгового центра. Торгового центра. Смотрю на свое большое тело. Все то время, пока я был там – мы славно поработали здесь, Джон, – все то время, пока я спал, все, кого я знаю, были здесь, надо мной, покупали вещи на распродажах и возвращали их, воровали жевательную резинку, опробовали клюшки для лякросса в задней комнате на тошнотворно-зеленом ковре в «Роллинг Джек». Они ходили в «Тенлис», в кино, ставили и получали засосы. Они были здесь. И я был здесь. В торговом центре.

Торговом центре.

Не знаю, почему я ожидал, что окажусь где-то далеко, но да, ожидал. Случилось что-то экстраординарное, и возвращение домой должно быть более драматичным, прошла ведь куча времени, и люди, например, должны носиться туда-сюда с реактивными ранцами на спине.

«Данкин Донатс» на прежнем месте, как всегда, с новыми штучками; теперь они проталкивают коричные пончики. За столиком старик с глазированным «хворостом» и «Телеграф». Закончив, он поднимается и уходит, а газета остается на столе.

Страшно, но придется. Нужно узнать, какой сейчас год, и я бросаю взгляд на верхний угол газеты. Цифры моргают и меркнут. Невероятно. Четыре года. Четыре года. Я потерял четыре года жизни. Их отнял у меня Роджер Блэр. Украл то единственное, что нельзя вернуть. Время.

Дрожащими руками разворачиваю страницы. Вижу купоны ресторанов, знакомых и незнакомых.

Двигаюсь дальше. Иду медленно, как ходят в торговых центрах пожилые люди. Прежде чем возвращаться к жизни, надо собраться с мыслями. Я принимаю решения на ходу.

Скажу правду. Очнулся в подвале, ничего не помню.

Но об «Ужасе Данвича» не скажу никому.

Никому не скажу о письме.

Я прячу проклятую книжонку за пояс штанов и вхожу в бывший «Рэдио шэк». Теперь он называется «Медитации». Звякают китайские колокольчики, журчит вода в фонтанах, и меня приветствует счастливая хиппи за прилавком. Говорит, что да, конечно, я могу воспользоваться телефоном. Вспоминаю мамин номер, набираю, неловко тыча слишком большими пальцами. Женщина смотрит на меня с прищуром.

– Подожди минутку. Ты... ты... Джон Бронсон?

Хлоя

Ноэль закачивает водяной пистолет.

– Ну что, народ, вы уже сделали это? – Всех моих подруг одолевает любопытство. Школа вот-вот останется позади, и лето уже ощущается как трудный участок шоссе, пройти который необходимо до колледжа.

Я готова к новому миру, который еще не вполне представляю. К миру, где люди не говорят сделали это.

– Ноэль, ты же знаешь, что нет, – вмешивается Марлена. – Зачем спрашивать?

– Нереально, – говорит Ноэль. – Они у него уже должны быть синие. Или голубые. Небесно-голубые яйца?

Я – Дева с заглавной буквы Д в том варианте жизни, который похож на ужастик, хотя Марлена тоже девственница. Это потому, что я с Кэрригом. Я с ним с того лета после исчезновения Джона. Ноэль недовольна тем, что Маленькая Мисс Гот готова превратиться в Маленькую Мисс Я-трахаю-игроков-в-лякросс[16 - Командная игра, где резиновым мячом играют специальными клюшками, напоминающими гибрид хоккейной клюшки и сетчатой ракетки.]. Но, строго говоря, грань я пока еще не переступила, и именно это ее раздражает.

– Хлоя, – говорит она, – не пойми меня неправильно, но, по-моему, ты цепляешься за свою драму. То есть я хочу сказать, что ты пытаешься доказать, постоянно откладывая и откладывая?

Бросаю в нее косточку.

– Может, закроем тему после выпускного.

Лучше бы я этого не говорила, потому что она делает большие глаза и показывает на Марлену.

– Отлично, Сэйерс. Теперь будешь единственной героиней выпускного.

Она права. Есть во мне что-то фальшивое, что не нравится мне самой, что-то, не дающее нормально спать, спать с Кэрригом. Думаю, что настоящая художница не сидела бы здесь, потягивая алкогольный коктейль из банки и дожидаясь спортсмена-бойфренда. Настоящая художница была бы в студии, писала, творила и чахла, как жена китобоя. Совместить одно с другим невозможно, но защищаться нужно, и я напоминаю им, что Кэр отправляется в Бостонский университет, а я в Нью-Йоркский.

– Мы будем даже не в одном городе, так какой смысл переходить на следующий уровень?

– Верно, – ворчит Марлена. – Вообще-то мы не в одной лодке. Подумать только, мы же все разъезжаемся.

И снова разговоры о выпускном, платьях и машинах.

Ноэль взвизгивает. Они здесь. Мальчики. И трепет крылышек внутри. Я люблю его, моего бойфренда, роскошного, терпеливого, всепонимающего Кэра. Я поднимаюсь, взбиваю волосы, поправляю бикини. Вхожу в воду. Желание переполняет меня, я не могу и не хочу стирать с лица улыбку, я принимаю ее с благодарностью и машу ему, а он стаскивает через голову рубашку, обнажая тело с синяками от лякросса, подмигивает мне и ныряет в воду, приглашая меня обхватить его ногами. Эй, привет.

Я люблю его голос. Люблю этот бассейн. Люблю ходить с ним в «Роллинг Джек». Мне нравится быть его девушкой. Я неделями не заглядываю в газеты. Прыскаю со смеху, когда мы пробираемся в заднюю комнату его отца, где хранится оружие. Я жую жвачку и не знаю, кто у нас госсекретарь. Я ничуть не переживаю из-за того, что засыпаю без слез. Объясняю полицейским, что мы с Джоном были просто друзьями. Кэр здесь, всегда. Когда наши ноги соприкасаются, я ощущаю себя живой. Всю жизнь я хотела, чтобы он не охотился на бедных, беззащитных животных и не обижал тех, кто меньше и слабее. Джона. Я всегда думала, что люди не меняются. Но в бассейне сила на моей стороне. Я вижу, как он хочет быть со мной. Вижу, как хочет и готов сделать первый шаг. Представляю мир, где он не охотится, где он не задира. Мир, где он со мной. Мы хорошо влияем друг на друга, вместе мы лучше, чем порознь. Иногда я почти думаю, что Джон ушел, чтобы я могла быть здесь, в воде, полностью и совсем.

Кэрриг плывет ко мне. Мы касаемся друг друга пальцами ног, и он улыбается.

– Марко.

Эту игру я знаю. Я не говорю «Поло»[17 - «М а р к о П о л о» – салки в бассейне: водящий с закрытыми глазами говорит «Марко» и по голосам отвечающих «Поло» определяет их местонахождение, пытаюсь осалить.]. Делаю глубокий вдох и ухожу под воду, молча приглашая его найти меня, – в отличие от Джона, не оставившего ничего, ни записки, ни намека, ничего. Но вместо плеска воды до меня доносится посторонний звук. Безошибочно узнаваемый звук открывающейся раздвижной двери. Это мама Ноэль вторгается в наше пространство. Я вынырываю – и все смотрят на меня. Как будто знают что-то, чего я не знаю.

Мама Ноэль машет телефоном. Нетерпеливо прохаживается.

– Его нашли, – говорит она.

– Кого нашли? – спрашиваю я.

– Джона, – отвечает она. Как будто он был моим хомячком. Моим. – Хлоя, они нашли твоего друга.

Мы собирались пойти в кино, потом в лес. Если я уйду, то все испорчу. С неровным числом ничего не получится. Без меня. Пять не шесть. Смотрю на Кэррига, но он уставился в стену, оставил меня еще раньше, чем я оставила его. Что ж. Я выхожу из бассейна. Вытираюсь полотенцем.

Остальные остаются. Меня трясет. Чувствую себя такой... голой, как будто на мне нет никакого бикини.

– Поскорее, Хлоя. Твоя мама уже едет.

Почему я иду? Потому что хочу или потому что обязана? Не знаю. Знаю только, что чувствую себя так, словно собираюсь к дантисту. Они нашли твоего друга. Четыре года назад я была другим человеком. Я бы все отдала за Джона.

Теперь мне есть что отдать. И Джон заберет. Я не та, что была, я хуже. Я хочу остаться в бассейне.

Но это не важно. Мама уже сигналиит.

Я в маминной машине, на переднем сиденье, с мокрыми волосами. Смотрю в окно. Стучу зубами. Марко. Поло. Джон. Кэрриг.

– Что-то не так? – спрашивает мама. – Помимо очевидного. Я, например, в шоке. Ты в порядке? Это к тому, что никто не говорит, что мы обязаны туда ехать.

– Конечно, обязаны. И я в порядке. Просто замерзла.

Она включает печку. Я смотрю в окно. Звонит телефон. Кэрриг. Отключаю звук. Теперь приходит сообщение: «Это я, Хлоя. Я!» Как ему ответить? Что написать? Я уже не та девочка, которая собирала его газеты. Я та, которая их выбросила. Не могу придумать, что сказать, а то, что приходит в голову, звучит банально, холодно или просто глупо. Теперь уже слишком поздно. Мы приехали. Я убираю телефон в сумку и чувствую, как сердце начинает колотиться. Здесь повсюду машины. Телевизионщики.

Мама паркуется и поворачивается ко мне.

– Хочешь, чтобы я пошла с тобой?

Если бы она хотела остаться, то выключила бы двигатель. Мы как будто в машине времени. Она спрашивает, долго ли я здесь пробуду, и это не вопрос – ей нужно знать, когда заехать за мной, чтобы отвезти к Ноэль. А потом мама вдруг охает. Я выглядываю в окно и понимаю, почему она вдруг ударила по тормозам.

Мой Джон. Это он и не он. Мужчина, стоящий на дорожке с приветственно поднятой рукой... В одном старом телешоу такого, как он, называли «лакомый кусочек». Мама, похоже, вот-вот упадет в обморок.

– Боже мой, Хлоя, это не он. Не может быть...

Сердце рвется у меня в груди.

– Это он. Точно.

Я так беспокоилась из-за того, что изменилась и забыла о нем. Но как же изменился он. Представляя его все это время, рисуя его, добавляя ему год за годом, я опускала лоб и веки, расширяла подбородок, придумывала что-то еще, но никогда не получала в результате ничего похожего.

Я выхожу из машины, и он бежит ко мне, а я, всхлипывая, бегу к нему. Мы уже так близко, что я чувствую его запах, но вдруг теряю равновесие, сбиваюсь с ног и задыхаюсь. Я спотыкаюсь. Из носа капает кровь. Фургоны телевизионщиков кружат, подхваченные вихрем, и улетают вверх, а меня всасывает, втягивает в себя земля. Я не успеваю сказать привет, не успеваю поцеловать его. Я исчезаю, вырубаюсь.

Джон

Ну вот, все опять не так, все так, как тогда, все наперекосяк. Вместо того чтобы обнять, поцеловать и открыть новую главу в нашей жизни, она успела лишь взглянуть на меня и потеряла сознание.

Врачи говорят, что это нормально. У нее шок, такое случается.

Но я так не думаю. В голове снова звучат слова мистера Блэра: «Мы славно поработали здесь». Надо бы перечитать его письмо.

Мама стучит в дверь. Я прячу книжку под подушку.

– Да?

Она входит, сияя от радости. Никогда не видел ее такой взволнованной. Она как новенькая машина, то срывается с места, то замирает, то смеется, то плачет.

– Дорогой, тебе нужна новая кровать. Я уже думаю, какого цвета ты хотел бы постельное белье. Может быть, покрасим комнату? Как насчет ярко-голубого?

– Может быть. – Я придвигаюсь поближе к подушке. Кладу на нее локоть. Нельзя, чтобы она увидела книжку. Чувствую себя, как Голлум с кольцом. Проклятая книга делает со мной что-то непонятное, жуткое, и все хорошее, что видит мама – ты такой большой, такой красивый! – рассыпается.

Она не понимает, в каком я смятении. Срывает бирки с принесенных кем-то рубашек. Весь день дом походил на зоопарк – копы, врачи, репортеры, друзья с кастрюльками и одеждой. Снова лает собака – теперь у них есть дог, Коди Кардашьян Бронсон, – и мама вздрагивает. Говорит, что он спас ей жизнь.

– Ты точно не хочешь впустить его сюда?

– Mam, я хочу побыть один.

Она кивает. Крутит в руках книжку, которую я читал, когда она приехала за мной, книжку про зефирный крем.

– Я бы хотела сказать что-то... ну, знаешь... умное.

– Mam, ты все правильно говоришь.

Она мнет книгу.

– Я так по тебе скучала. Извини, я такая дерганая. Извини, что мы сняли твои обои с Человеком-пауком. И за кровать извини – она такая маленькая. И за Хлою. И за то, что я такая несобранная.

Я забираю у мамы книжку и обнимаю ее. Мне не по себе оттого, что я не плачу, и меня пугает собственное тело. Кажется, что обнимаю маму как-то не так, что я вообще делаю все не так. Я и ребенком так же себя чувствовал. Снова вспоминаю Хлою, как она упала, как у нее шла кровь из носа. Вижу ее разбитое колено.

Мама вдруг тихонько охает.

– Полегче. Милый, ты, наверное, не представляешь, какой ты сильный.

Мы отстраняемся друг от друга, и я замечаю две тоненькие струйки крови у нее под носом. Похоже, перестарался.

И снова голос Роджера Блэра: «Добро пожаловать, Джон».

С мамой то же, что и с Хлоей. Врачи объясняют это шоком. Вполне нормальная физическая реакция на такого рода ситуацию.

Но мне это вполне нормальным не кажется. Дома я второй день, а Хлоя так и не пришла, не навестила. Ее мать думает, что она больна, подхватила какую-то заразу, так что ей лучше побыть дома. Мой отец уже отрубался несколько раз. Он слишком много пьет и забывает остановить пластинку, но странным выглядит другое: когда мы сидим и смотрим телевизор, папа то отключается вдруг, то снова приходит в себя.

Я запираю дверь. В третий раз перечитываю «Ужас Данвича».

Читать нелегко, и я пролистываю страницы и задерживаюсь на подчеркнутых мистером Блэром абзацах. Действие происходит в небольшом городке в Новой Англии, и я, конечно, представляю наш городок, наши улицы, хотя события, описываемые в книге, происходят давно. Главный персонаж – Уилбур Уотли, по сути, городской сумасшедший, который растет не по дням, а по часам. Люди его боятся. Собаки от него бегут. Он – великан.

На самом деле Уилбур – умный извращенец. Проблема в том, что в его книге, «Некрономиконе», недостает пары страниц. Эти страницы нужны ему, чтобы вызвать плохих парней, Великих Древних[18 - В мифологии, придуманной Г. Ф. Лавкрафтом и известной как «мифы Ктулху», Великие Древние – обитающие на Земле или относительно близко к ней сверхъестественные существа, враждебные людям и влияющие на их мир посредством магии, а также связанные с ними, но пребывающие в глубинах космоса воплощения вселенского хаоса, называемые Внешними Богами. К Великим Древним относится наиболее известный персонаж мифов, чьим именем они и названы.]. Но библиотекари противятся. Они боятся того, что он сделает, если получит эти страницы, и постоянно ему отказывают. Уилбур не сдается и изо всех сил пытается до них добраться. Однажды на него нападает и перегрызает ему горло сторожевая собака. Но ни крови, ни внутренностей не обнаруживается. Человеком Уилбур был только частично.

И опять голос Роджера: «Добро пожаловать, Джон».

Основная часть – в конце, когда приходит настоящий «ужас». Невидимое чудовище уничтожает город, оставляя на земле гигантские следы. Я представляю динозавра, хотя и не уверен, что прав. Говорю себе, что все это нужно выкинуть из головы. Пора сосредоточиться на реальных вещах, выяснить насчет школы, поговорить с репортерами, полицией. Но щупальца книги держат крепко, не отпускают; они как будто вырастают из обложки, обвивают руки, заползают в уши.

Легче, когда мы втроем за столом.

Каждый раз, когда я ем переваренное брокколи и слушаю пересказ «Анатомии Грейс», я ощущаю себя более или менее собой прежним. Папа, с его красным пластиковым стаканчиком скотча, подтрунивает над маминым брокколи и ее сериалами. Это моя жизнь. Моя семья.

Но я делаю что-то невольно. Слишком быстро ем. Прошу у мамы телефон. Она откладывает вилку.

– Зачем тебе телефон?

– Хочу отправить сообщение Хлое.

Они молчат.

– Я не на всю ночь, честно.

Мама вздыхает.

– Джон, по-моему, тебе нужно малость остыть. Придержи коней.

Папа избегает смотреть мне в глаза. Мама берет на колени пса.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я и чувствую, что краснею. – Мы просто поговорим. Она расскажет, что тут и как, что я пропустил. Она собирается в Нью-Йоркский университет. Я хочу узнать про школу. Что тут такого?

Папа опрокидывает стаканчик. Мама целует собаку.

– Джон, она рассказала тебе о своем бойфренде?

Сердце колотится. Так я и знал. Такое всегда знаешь. Чувствуешь неладное, гонишь прочь сомнения, стараешься не думать, как и о проклятой книге и проклятом письме. Я знал, что она слишком вежлива. Знал, что в ее эсэмэсках слишком много восклицательных знаков. Знал, что в ней что-то немножко изменилось. Я говорил себе, что не стану заглядывать на «Фейсбук» и другие такого рода сайты, потому что психолог, с которым я разговаривал в тот первый день, сказал, что это будет лишнее. Но, по правде говоря, я просто не хотел увидеть это своими глазами. Не хотел знать наверняка.

– Кэрриг, да?

Мама качает головой, но оно, это слово, выползает, будто шипение.

– Да.

Не могу уснуть.

Я все-таки отправил Хлое сообщение, но не сказал, что знаю. Она забросала меня вопросами: «Ты хотя бы что-то помнишь? Тебе снились сны? Что ты делал, когда очнулся? Помнишь тот первый момент? Что последнее ты помнишь? Как думаешь, почему он тебя забрал? Ты боялся его? В школе только и говорят об этом, какой он был странный, как страшно даже думать о нем, как тебе не повезло и как это несправедливо. Думаешь, его поймут? Помнишь, как он хотел, чтобы мы все укололи палец для какого-то генетического теста? И чтобы мы вырвали немного волос? Это же настоящее безумие, что он преподавал в нашей школе. Я просто с ума схожу, когда думаю об этом. Ты, должно быть, дико злился, да?»

Задать ей свои вопросы я не могу. Тебе действительно нравится Кэрриг Беркус? Как это началось? Почему? Он тебя целовал? Ты приводила его в наш домик? Ты когда-нибудь хотела поцеловать меня так, как целуешь его? У тебя был с ним секс? Ты говоришь с ним так же, как говоришь со мной? Как ты можешь быть одной со мной и другой с ним? Ты скучала по мне? Ты перестала потом скучать по мне? Ты на самом деле его любишь? Да? Как ты можешь его любить? Как?

В дверь скребется Коди Кардашьян, и я впервые за все время впускаю его. Хлопаю ладонью по кровати – давай, иди сюда. Пес высовывает язык. Хочу сказать, что он зря тратит время, что мне нравятся хомячки. Но пес твердо намерен со мной подружиться. Вертится, твякает, тычется в меня носом. Любит меня. А Хлоя не любит. Я снова плачу, и Коди не отворачивается, как сделали бы люди. Он придвигается ближе. Подтягиваю его на колени. Спасибо, малыш. А потом, даже не поняв, как это произошло, я засыпаю. Мне снится, что я с Хлоей. Мы в моем домике, и затем, как бывает, когда выходишь из хорошего сна, занавес падает, ты открываешь глаза и с болью понимаешь, что не все так просто.

Я чувствую это, едва проснувшись. Рядом со мной свернулось что-то застывшее и холодное, что-то, бывшее мягким и теплым. Вместо шумного дыхания – тишина. Осознание случившегося приходит еще до того, как взгляд падает на безжизненное тело Коди. Я знаю, что случилось. Мне знаком запах смерти. Думаю, он знаком всем.

Кричать нельзя. Нельзя будить родителей. Мертвый пес; я не верю тому, что вижу. Он пришел в комнату абсолютно здоровым. А теперь его нет. Он спас твою маму. Она не должна узнать. Я надеваю новые кеды, которым так радовался несколько часов назад. Беру на руки маленькое тельце. По-другому не получится.

Когда я, похоронив Коди, возвращаюсь домой, родители еще спят.

Сна ни в одном глазу, будто выпил чашек десять кофе. Я на взводе, тело гудит, как город, который никогда не спит, везде только зеленые огни, везде хаос и шум.

Зззззззззззззз...

Первой, как всегда, встает мама. Свистит, зовет пса: «Коди, малыш. Иди к мамочке. – Не дождавшись и не слыша лая, она будит папу и сердито бросает: – Я же говорила, что эта собачья дверь никуда не годится». Папа мычит спросонья, и я узнаю краткую историю собачьей двери. Коди уходит и не возвращается. Похоже, это сойдет мне с рук, думаю я, как совершивший злодеяние преступник. Но я же ничего такого не сделал. Так ведь?

Папа открывает раздвижную дверь, и я выглядываю в окно. Смотрю, как он ходит туда-сюда, похлопывая в ладоши и посвистывая: «Коди! Малыш, ко мне!» Мама внизу, топчется, ищет зажигалку, находит, поднимается наверх и осторожно, чтобы я не слышал, как щелкает замок, закрывает дверь спальни. Наверное, думает, что я сплю, и не догадывается, что я притворяюсь. Мама не хочет меня разбудить, не хочет, чтобы я услышал, как она плачет у себя в комнате. Когда я был ребенком и когда ей хотелось поплакать, когда ей не хотелось и минуту побыть матерью, она так и делала. Проходит немного времени, и до меня доносятся знакомые звуки рыданий и отцовские оклики: «Коди!»

Открываю «Ужас Данвича». И прямо со страницы прыгают слова Роджера: «Добро пожаловать, Джон».

Похоже, я становлюсь параноиком, начинаю думать, что со мной что-то не так. Хлоя упала в обморок. У мамы идет из носа кровь. Папа отключается. Коди умер. Голова идет кругом. Я уже представляю себя невидимым, убивающим всех чудовищем.

Тебе нужно малость остыть.

Возможно, я все это придумал и случившееся не имеет ко мне никакого отношения. Роджер Блэр – странный тип, а странные типы пишут странные вещи. Может быть, ему не на чем было написать письмо и книжка просто подвернулась под руку. Письмо. «Будет интересно посмотреть, что из этого выйдет». Что он имел в виду? И насчет того, что я особенный, что у меня есть сила? Чего бы я только не отдал, чтобы увидеть его снова. Я хочу этого даже сильнее – какая ирония! – чем поцеловать Хлою.

Слышу, как мама звонит по телефону.

– Здравствуйте. Хочу заявить о пропавшей собаке, это правильный номер?

Она внизу, и я выхожу онлайн. Смотрю на свои фотографии, читаю статьи о Мальчике-из-подвала, Чуде в Нашуа. На снимке я стою между родителями – какая жизнеутверждающая история. Прежний я – тщедушный и неловкий, теперешний – сильный, возвышающийся над папой и мамой. Вижу рисунки, сделанные Хлоей для полиции. В газете все показано хорошо.

Как продюсер «Эллен»[19 - Полное название «Шоу Эллен Дедженерес» – ток-шоу, которое ведет эта известная актриса и комик.] сказал моей маме: «Мы любим вашего сына, потому что он – вдохновение».

Ищу в «Гугле» Роджера Блэра, читаю все, что есть. Как он был профессором в Университете Брауна до своего увольнения. Как проводил эксперименты с растениями, бананами и солнцем. Толку от этих статей никакого, и голова опять идет кругом. Выключаю свет и смотрю в потолок. В темноте не видно ничего, и я без труда представляю, что снова нахожусь в подвале, и вот сейчас войдет Роджер Блэр и скажет, что он сделал со мной на самом деле.

На следующее утро мама постит фотографии Коди на своей странице в «Фейсбуке», а папа отмывает наше крыльцо.

– Прошлой ночью кто-то забросал наш дом яйцами, – говорит мама. – Что тут скажешь, Джон? Беда не приходит одна.

Хлоя

Хорошего места, чтобы разбить чье-то сердце, не бывает. Я выбираю дворик перед «Старбаксом». Может быть, подвести черту легче, если на тебе форма, если перерыв не вечен, а имеет начало, середину и конец. Что нам действительно нужно, так это покончить со всем.

Терки начались в тот день, когда Джон вернулся, в тот миг, когда я выбралась из бассейна. Кэрриг не простил, что бросила его, чтобы увидеть Джона. С тех пор держится холодно и больше мне не доверяет. Но и уйти не дает. Парни вроде Кэррига, те, что играют в лякросс и терпят издевательства тренеров, хотят, чтобы все было официально, победители и побежденные. Поэтому он

здесь, похрустывает последними кусочками льда и отпускать меня отказывается.

– Извини, я в последнее время занята. Взяла несколько дополнительных смен. Нью-Йорк, знаешь ли, город дорогой. И потом, уровень мой оставляет желать лучшего. Надо подтянуться по художке.

Он смотрит под ноги, улыбается. Улыбочка дрянная.

– Точно. Ты у нас вся такая занятая.

– Не знаю, что ты хочешь этим сказать. Я говорю как есть.

– Я не дурак, Хлоя.

– Кто сказал, что ты дурак?

Он кусает губу. Никогда не видела, чтобы Кэрриг плакал. Тянусь к нему рукой, но он ее отталкивает.

– Прекрати ссылаться на занятость. Просто скажи.

– Сказать что?

Он смотрит на меня, и его глаза, кажется, готовы взорваться вот здесь, в патио.

– Это все гребаный Джон, – хрипло говорит Кэрриг. – Просто скажи, признайся.

– Между мной и Джоном ничего нет.

Он сжимает пустую чашку.

– Просто скажи. Скажи, что ты меня кинула.

Не хочу это говорить. Хочу, чтобы Кэрриг отказался от меня. Чтобы промаршировал на парковку, стер мой номер и послал меня куда подальше. У

него дрожит левая нога. Горят щеки. Будет страдать и злиться, но первым не уйдет.

– Это потому, что я забросал яйцами его дом?

– Что? Что ты сделал?

Кэрриг играет желваками. Думал, что я знаю. Теперь знает, что не знала. А я уже представляю, как он бросает сырые яйца в дом Джона. Вижу, как по стеклу стекают желтки. Тру глаза.

– Это была шутка, – говорит он.

– Кэр, яичный белок обладает коррозионными свойствами. Ты можешь причинить реальный ущерб.

– Я всего лишь бросал яйца в дом.

– Нет, не всего лишь.

– Да, Хлоя. И ты ведь тоже можешь делать гадости. Давай, скажи.

Он не ругается, не топает ногами. Просто уходит.

Я смотрю ему вслед. Кэрриг врывается на парковку, не глядя по сторонам, пробегает мимо грузовика, показывает средний палец водителю и рвет на себя дверцу. Такой мелочной я никогда еще себя не чувствовала. Такой всесильной и ответственной, такой плохой. Пытаюсь написать Джону, но не могу найти нужных слов. Как сказать, что все кончено, когда для начала нужно признать, что все случилось?

Прошло несколько недель, прежде чем я пожаловала к Ноэль с кейк-попами[20 - Пирожные на палочке, обычно по виду напоминающие чупа-чупс.] и фраппучино[21 - Капучино-версия фраппе.].

– Ты кто? – спрашивает она, оглядывая меня с головы до ног.

– Перестань. Люди работают.

Ноэль берет фраппучино.

– Итак, как дела в Джонландии?

Теперь у нее это так называется. Спросить, как Джон, она не желает.

– У него все замечательно. Как обычно. Мы разговариваем обо всем на свете, иногда переписываемся, болтаем или находим какой-то фильм и смотрим. А потом глядь – на часах уже четыре.

Она смотрит на меня в упор.

– Давай кое-что уточним. Ты порвала с Кэрригом, но вы по-прежнему только разговариваете? Господи, я думала, к этому времени дела продвинутся немного дальше.

– Прекрати. Ты же знаешь, как все сложно.

– Вы хотя бы в кино ходите?

– У него ПТСР. Посттравматическое стрессовое расстройство.

– Подожди-ка. Когда ты в последний раз вообще выходила куда-то с парнем?

Я не отвечаю, потому что ответ она знает сама. Знает, что Джон никуда со мной не выходит. Она говорит, что не злится на меня, но злится из-за меня. Закатывает глаза.

– То есть ты для него антистрессовое одеяло. Ты даже выглядишь по-другому. Рисованием-то еще занимаешься? Или строчишь эсэмэски по двадцать четыре часа в сутки и без выходных?

– Да, рисую, – бросаю я.

Ноэль качает головой. Знает, что я вру.

– Чушь. Он жив-здоров. И мне нисколько его не жалко. Никакие инопланетяне его не похищали, опыты над ним не проводили.

– Ноэль...

Она делает большие глаза.

– А что, проводили?

И вот так всегда. У нее даже тон меняется – все под вопросом, все вызывает сомнение. Хочет знать, о чем мы разговариваем. Я рассказываю, ничего не скрываю. Прошлым вечером мы несколько часов занимались тем, что сравнивали концертные версии песни «Way It Goes» от «Hippo Campus»[22 - Современная инди-рок-группа.].

– Нет, – говорит она. – О чем вы говорите?

Я понимаю, чего хочет подруга, потому что и сама хочу того же. Ей нужны детали, то, что доверяют лучшему другу, его кошмары, то, о чем не пишут в газетах. Но мне нечего ей предложить, и слова, которые я произношу, отзываются болью во мне самой.

– Об этом мы пока не говорим.

Я отвожу глаза. Знаю, это, конечно, странно, что Джон не рассказывает о случившемся. Он как будто постоянно пытается доказать, что с ним все в порядке, что он – нормальный. Мы говорим обо мне, о моих занятиях, о его убежденности в том, что нет ничего выше концерта «Hippo Campus» в «Вэллибар» в Финиксе, Аризона, 7 мая, 2016 года. Но о себе Джон не рассказывает.

– Это облом, – говорит Ноэль. – Ты кинула Кэррига, но даже не видишься с Джоном. Не понимаю я этот синдром придверного коврика.

Меня такое определение задевает.

– Я не половичок.

– Нет? Тогда почему Джон сейчас не здесь? Разве не странно, что ты совсем его не видишь?

Нет в жизни моментов хуже, чем те, когда ты и знаешь, и не знаешь. День за днем я прошу его прийти на телемарафон «Бывает и хуже», но он отказывается и раз за разом заводит одну и ту же песню, увещевая меня прочитать ту книжку, «Ужас Данвича». Я не спрашиваю, почему он не хочет даже просто прогуляться со мной. Наши отношения всегда держались на том, что мы понимали друг друга без слов и объяснений. Я не хочу его понукать. Говорить с Ноэль о Джоне мне тоже не хочется, и я обрываю ее словами, которые уже не могу взять обратно.

– Думаю, с твоим кавалером тоже не все просто.

Получается гадко и недостойно. Обычно в таких случаях Ноэль берет телефон и теребит волосы. Сейчас – молчание. Знаю, что надо бы извиниться, сказать, что она права, что да, его нежелание видаться изводит меня. Но оттого, что ты признаешь и назовешь вслух то, что разбивает тебе сердце, легче не станет. Я просто твержу себе, что вот завтра он появится и что завтра же я буду рассказывать Ноэль о нашем первом поцелуе и все будет в порядке.

– Ладно, – говорит она тем голосом маленькой девочки, который прорезается у нее только в таких вот случаях. – А на выпускной вы, ребята, собираетесь?

Я пожимаю плечами – посмотрим. Намеки насчет выпускного я подбрасываю Джону каждый день. Да он не говорит, но и нет тоже.

Ноэль вздыхает.

– Скажу Пингвину, пусть передаст Кэру, что может привести свою шлюшку-подружку.

Про Кэррига и его новую девушку я узнала уже неделю назад. Но все равно вздыхаю.

– Подожди. У него кто-то есть?

Надо же дать ей шанс отыгаться за мой выпад насчет кавалера.

Я устраиваю небольшое представление, разыгрываю роль рассерженной бывшей.

– Джон тебе не пара, – говорит она. – Ты, может быть, сама еще не понимаешь, что он наказывает тебя за Кэррига. А ты ему позволяешь. Пойми, ты имеешь право быть счастливой. Если бы Джон любил тебя, он хотел бы, чтобы ты была счастлива. Выглядишь, как зомби. – Ободренная собственными словами, она поднимается. – Принесу тебе воды.

Пока ее нет, просматриваю последние сообщения от Кэррига. Он написал мне в тот же вечер, когда познакомился со шлюшкой-подружкой. Напился, ревновал. «Я тебя люблю, я тебя ненавижу». Я позвонила ему на следующий день, хотела поговорить, но он не ответил. Только прислал последнее сообщение: «Забудь это все. Пусть будет провал в памяти. Сотри».

В тот же вечер я набралась содовой с водкой.

Смотрю на пустое окошко чата. Он не знает, что сказать мне, а я слишком пьяна, чтобы сказать то, что нужно, поэтому говорю то, что приходит в голову.

Хочу тебя увидеть. По-настоящему.

И в окошечке вижу точки. Он отвечает.

Знаю. Как тут не злиться. Тем более сегодня. Я тут же привычно нахожу ему оправдание, но потом постепенно осознаю, что ничего не изменилось. Что сегодня не завтра. Сегодня – снова переписка. Он присылает статью об основателе «Старбакса», которую нашел где-то в интернете, и мы заводим долгий разговор об открытиях и изобретениях, риске и амбициях, оригинальном мышлении, знании и незнании, и все происходящее ощущается как грязный трюк вселенной.

Мы говорим обо всем, но только не о нас.

Пишу, что хочу увидаться, и он снова отвечает тем же. Знаю.

Что он знает? Знает, что сводит меня с ума? Что я ложусь, не смыв макияж, – на случай, если он появится? Что проезжаю мимо его дома? Я вижу его на качелях в заднем дворе. Смотрю на него, когда он лжет, что занят. Пытаюсь убедить себя, что дело не во мне, что это ПТСР. Но в глубине души я и сама в это не верю. Люди делают то, что хотят делать. Если бы Джон хотел увидаться со мной, то увиделся бы. Нельзя заставить другого любить тебя. Он ни разу не поцеловал меня, когда мы были детьми. С чего бы теперь должно быть иначе? Даю себе слово – положить этому конец. Открываю почту, сохраненный черновик, прощальное письмо, в котором говорю, что не могу так больше, не могу настроиться на очередной отказ. Все высказано прямо и откровенно. Говорю ему, что я не какое-то рогатое чудовище и нападать на него не собираюсь. Я всегда буду рядом, если пожелаешь, чтобы мы остались друзьями. И, конечно, письмо остается, где и было.

Он выскакивает в окне чата: «Хлоя, ты дома?» Я не должна отвечать. Ноэль говорит, что мужчин надо дрессировать, как собак. Марлена говорит, что надо набраться смелости и напрямую спросить насчет выпускного. Но я боюсь услышать, что он не любит меня, что я слишком давлю на него, слишком требовательна. Легче отступить, повернуть разговор на «Hippo Campus». Как всегда, приходит ночь, и он уходит из чата. С Джоном не так, как с Кэрригом. С Кэром я всегда уходила первой. Мне недостает преимущества, которое дает положение того, кто не прощается, кто просто исчезает.

Джон

Я всегда выхожу из системы первым. Понимаю, что поступаю дерьмово, оставляя ее одну, заставляя ждать. Но то, что во мне, что возможно во мне, невидимый и неведомый яд, то, что убивает собак и отключает моего папу, оно пугает. Я не знаю, как оно работает. Пока что, кажется, оно действует, когда я нахожусь рядом с кем-то, но Роджер намекал на что-то еще. Если он имел в виду эту силу, то где гарантия, что она не может пробраться через компьютер в Хлою?

Наверное, я параноик. А то и вовсе умалишенный.

Иногда я думаю, что книгу и письмо он дал только для того, чтобы заморочить мне голову, что именно так злодеи и творят свои злодеяния. Беру куртку,

смотрю в зеркало и думаю: «Ну же, пойдя к ее дому или туда, где она работает, и поцелуй же ее наконец».

И тут же вспоминаю неподвижное тельце Коди.

Время уходит. Рано или поздно ей это надоест. Ей захочется большего. Каждый день я жду от нее страшных слов: «Нам нужно прекратить разговаривать». Но она, должно быть, тоже чувствует это, связь, то, что есть между нами.

Мой психолог, Беверли, говорит, что я не паразит. Она старше моей мамы, но младше бабушки, и мы общаемся по «скайпу» раз или два в неделю. Я не рассказываю ей о моей теории Данвича, но мне удобно притворяться, что она в курсе всей моей истории.

– Итак, – говорит Беверли. – Твоя мама получила результаты тестов?

– Да, – отвечаю я. – Волчанки у нее нет.

– Что ж, это хорошие новости, Джон.

Она порой немножко чересчур бодрится или, может быть, делает это намеренно, чтобы вывести меня из себя. Я тут же начинаю возражать, говорить, что не все так просто.

Хорошие новости. Моя мама слаба и больна, она постоянно теряет сознание, у нее плохая координация и идет носом кровь. Папа то и дело засыпает. Они оба больны, и врачи никак не могут определить, что же такое с ними происходит.

– Джон, ты ни в чем не виноват, – как обычно, говорит Беверли.

Это самая трудная часть сеанса, когда я хочу сказать, что она не понимает, что, возможно, они заболели из-за меня. Буквально. Она говорит об эмоциях и стрессе, но не понимает, что это нечто во мне, не в ее книгах. Если сказать ей все, она, скорее всего, направит меня в больницу, где разгадывают пазлы и принимают лекарства.

А потом она повторяет то, что говорит каждую неделю, предупреждение, касающееся столь многого в моей жизни: «Наше время истекло».

Я до сих пор не нашел Роджера, и у копов нет никаких зацепок. После разговора с Беверли я всегда звоню детективу Шакалису.

– Привет, – говорю я на его голосовую почту. – Это Джон Бронсон. Я только хочу узнать, есть ли что новое по Роджеру Блэру.

Через несколько минут получаю в ответ пустую отговорку: «Не тревожься, Джон. Ты в добром здравии, будь счастлив. Постарайся, Джон. Если что-то отыщется, мы сообщим».

Но я не могу быть счастливым. У меня слишком много вопросов к Роджеру. На каждой странице этой дурацкой книжонки теперь мои пометки. Что он хотел сказать? Я не нахожу ответа. Лавкрафт часто упоминает тот факт, что Уилбур был альбиносом. Я спросил у родителей, знают ли они об альбиносах в нашей семье, но они посмотрели на меня и рассмеялись, а папа сказал: «Слово „шотландец“ – эвфемизм слова „альбинос“, но почему ты спрашиваешь?» Я солгал, сославшись на какое-то задание по школьной программе.

Натягиваю на голову одеяло. Пытаюсь пробиться сквозь туман четырех лет. Мысленно бреду через лес. Слышал ли я что-нибудь за все это время? Открылись ли хотя бы раз мои глаза; не сохранился ли в глубине памяти какой-то образ? Нес ли меня Роджер на себе или вез в какой-нибудь тачке? Ждал ли его сообщник с машиной или он действовал один? Молчал ли он или бормотал что-то? Сопrotивлялся ли я?

В дверь стучит мама.

– Проголодался?

Переваренное брокколи, папин скотч в красном пластиковом стаканчике – они уже не дают того ощущения комфорта, что в первые дни после возвращения домой. Я не подросток. Я слишком долго в доме. Мне здесь не место. Мы все это знаем, и ситуация становится напряженной.

Единственная тема, которую мы можем обсуждать спокойно, это Роджер Блэр. Маму неизменно возмущает тот факт, что в школе знали о его увольнении из Университета Брауна. Его уже тогда следовало посадить под замок. Папу тошнит от сослуживцев Блэра, рассказывающих с экрана телевизора о том, какой он был странный. Так почему же вы не говорили об этом раньше? Родители винят всех во всем. Роджера винят за похищение и хотели бы видеть, как его поджарят. Гарвард винят за то, что там ему дали образование. Университет Брауна – за то, что приняли на работу. Школу – за то, что не проверили как следует биографию, торговый центр – за разрешение на аренду подвала, когда никакого магазина он так и не открыл.

– Знаешь, – говорит мама, – звонили из шоу «Эллен». Напоминают о приглашении на специальный выпуск. Долго ждать они не станут, так что пора действовать.

Папа вздыхает.

– Пенни...

Мама вскидывает руки.

– Они согласны довольствоваться «скайпом».

– Мам, я же сказал. Не хочу больше быть Мальчиком-из-подвала. Все?

Вино вгоняет ее в депрессию. Она говорит о справедливости.

– Никто уже не ищет Блэра, но если бы ты появился в шоу, им пришлось бы этим заняться.

– Пенни, – вступается за меня папа, – он не хочет, чтобы его показывали по телевизору.

– Ты хочешь сказать, что он не хочет оставить Хлою. – Мамин кулачок падает на стол. – Джон, эта девушка не желает даже прийти к нам на ужин, а ты всю жизнь цепляешься за нее.

– Пен, не надо об этом, – говорит папа.

– Надо. Она все соки из него высасывает, и я не собираюсь стоять в стороне и смотреть. Он только и делает, что постоянно ей пишет.

– Мам, я же говорил, что мы так общаемся. Я просто не большой любитель прогулок и всего такого.

Мама трет лоб.

– Думаю, мне вино не пошло.

Папа смеется.

– Хочешь переключиться на что-то покрепче?

Но мама так легко не сдается.

– Вижу, вы, мальчики, не понимаете. Есть гражданский долг. Этот человек похитил тебя и, насколько мы знаем, до сих пор на свободе и может похитить кого-то еще. Ты, Джон, должен делать все возможное, чтобы предотвратить это, призвать его к ответу. Ты должен рассказать свою историю, чтобы о ней все знали. Но ты сидишь здесь и часами говоришь об этом со своей подружкой Хлоей, а толку от этого мало. Нужно говорить там.

Папа толкает меня ногой под столом. Подмигивает. Однажды он сказал мне, что моя мама – кошка, с ней нужно играть, давать ей возможность погоняться за ленточкой. Если разойдется, ее уже не остановишь. Она говорит, что мы все заслужили немножко солнца, бесплатной поездки и ей надоело сидеть дома, надоело смотреть, как я растрачиваю впустую время и не выхожу из комнаты. Папа пытается снять напряжение и отпускает шутку насчет того, что мама потому ухватилась за это предложение, что хочет найти доктора Макдрими.

Она не смеется.

– Вообще-то, Макстими. Тот, который мне нравится, Макстими.

Папа смотрит на меня.

– Подключайся к разговору, сынок.

Но все пошло прахом, и толку от моих слов не будет. Мама вздыхает.

– Знаете, в отличие от вас обоих я живу в невыдуманном мире. И реальность такова, что, когда похитят какого-то другого ребенка, в «Эллен» будут говорить о нем. В новостях никто надолго не задерживается. Подумай об этом, Джон. Ты почувствуешь себя лучше, если приведешь свою жизнь в порядок. Это все, что я пытаюсь сделать для тебя.

Я вижу, что она уже дрожит, и проглатываю подступивший к горлу комок.

– Знаю, мам.

Когда я говорю, атмосфера в доме меняется. Объяснить это трудно. Тут и моя вина. И их тоже. Мы не знаем, как обедать вместе. Они привыкли к тому, что меня здесь нет. Мы все знаем, что каждому нелегко, что никто такого не ожидал.

Я больше не спрашиваю, можно ли выйти из-за стола и подняться в свою комнату. Я просто беру тарелку и ставлю ее в посудомоечную машину. Они ждут, пока я уйду, чтобы поговорить обо мне, но я всегда слышу их уже с верхних ступенек лестницы: «Ну что говорит психолог? И времени прошло не так уж много, когда-нибудь ему надоест сидеть в комнате, ведь так?»

Я закрываю дверь и вижу ее зеленый огонек. На душе сразу становится легче.

Хлоя.

Джон.

Привет.

Привет.

Цыпленок?

Лосось. Папа собрался в «Макдоналдс ЛОЛ».

Ха. У нас был цыпленок. Мама замышляет захватить управление полиции Нашуа.

Эх, пятница.

Эх, семьи.

Джон.

Хлоя.

Молчание. Так бывает иногда. Потом я снова вижу бегущие точки, и меня омывает новая волна облегчения.

Извини. Собираю вещи для завтрашнего выпускного...

Круто.

Хочешь увидеть мое платье?

Конечно, я хочу увидеть ее платье. Хочу стоять рядом с ней. Хочу держать ее за руку и обматывать цветами ее запястье. Желание запускает турбины. Данвич. Я закрываю компьютер. И, может быть, снова упускаю свой шанс.

На следующее утро получаю гугл-уведомление, касающееся Роджера Блэра.

Женщина, заведующая приютом для пострадавших от насилия жертв в Портленде, штат Орегон, написала заметку о Роджере Блэре. Она знала его как

Магнуса Вилларса и познакомилась с ним в Гарварде. Он писал исследование на тему одиночного заключения. Ей отчаянно недоставало денег, и она отозвалась на предложение поучаствовать в экспериментах. Он посадил ее в комнату и выключил свет. Потом выпустил крыс. Она слышала их и стерла до крови руки, пытаясь выбраться оттуда.

Когда свет наконец включили, оказалось, что никаких крыс нет, а есть только запись.

Она не стала сообщать начальству и просто ушла.

Я вписываю в строку поиска имя – Магнус Вилларс, – и первыми выскакивают ссылки на кьянти[23 - Красное сухое вино из Тосканы.]. Перехожу в «Твиттер» – и вот он, тут как тут, @MagnusVillars. В профиле картинка – хомячок с печенюшкой «Орео». Руки покрываются гусиной кожей, по спине пробегает холодок. Какой-либо активностью в последние годы не отметился, но сохранившиеся твиты показывают озлобленного психа, нападавшего на журнал «Сайенс» и заслуженных профессоров и обзывавшего их ограниченными, косными халтурщиками. Судя по твитам, мой похититель – настоящий, потерявший мозги сумасшедший. Камень скатывается с груди. Оказывается, не так уж все и страшно. Человек просто тронулся рассудком. Да, он морочит людям головы, но реально ничего сделать не может. Меня он одурачил, но теперь-то я вижу его насквозь.

Хватаю «Ужас Данвича», перечитываю письмо – никакой мистики, никакой тайны. Бред полоумного. Листаю страницы, ищу одно из подчеркнутых мест, то, что представляется важным теперь:

...дневник... записки сумасшедшего...

Я забыл, в каком малоприятном мире живу. Девушки падают в обморок. Щенки умирают. Детей похищают. Это не пьеса такая, это жизнь. Между тем в «Фейсбуке» появляются фотографии. Платье у Хлои раздельное, волосы уложены так, что дотрагиваться до них, должно быть, не разрешается. Лицо печальное. Это моя вина. Но если поспешить, то все еще можно исправить.

Открываю дверь и кричу: «Пап, смокинг еще цел у тебя?»

Мама тоже меня слышит и впервые после смерти Коди оживает и суется. Дорогой, ты еще будешь королем выпускного! Папа роется в шкафу в поисках своего старого смокинга, мама вытирает пыль с его пары выходных туфель. Все так, как и говорили постоянно Шакалис и Беверли: ПТСР – монстр, но однажды БУМ! – и тебе вдруг станет легче. Папа наконец вытаскивает из шкафа костюм.

– Джон, она будет вся твоя.

Верно сказано: кто научился кататься на велике, тот не разучится.

Ветер бьет в лицо, а я жму на педали. Как же прекрасен мир, когда ты – часть его, когда солнце не жжет и восходит луна, когда ночь полна волшебства и может изменить твою жизнь, если только ты позволишь ей это, если будешь крутить педали. Еще не поцеловал Хлою, а уже чувствую себя по-другому.

Я нервничаю, волнуюсь, но это хорошее волнение. Хлоя у Ноэль со всей их компанией, они собираются фотографироваться, и я уже почти на месте. Подъезжая к нужной улице, сбавляю ход, и сердце раздувается, как шар. Я не привык ко всему этому – гонять на велосипеде, любить. Вот и они, точно такие, как онлайн – девушки в ярких платьях, парни в смокингах, – выстроились на передней лужайке у дома Марлены, позируют. Я притормаживаю. Мне вдруг становится страшно. Как жаль, что я на велосипеде, а не на мотоцикле. С другой стороны, я ведь здесь что-то вроде знаменитости. Никого из них не приглашали в шоу «Эллен». А когда они увидят, как любит меня Хлоя, увидят улыбку на ее лице, увидят, как она побежит ко мне, они будут на моей стороне.

Трогаюсь с места, но вся компания уже загружается в лимузин. Я не рассчитал расстояние, оказался слишком далеко и теперь, как в фильме ужасов, смотрю, как они все исчезают в машине. Налегаю на педали, но скорости не хватает. Лимузин мигает задними огнями и выпускает облачко отработанных газов. Я бью по тормозам и соскакиваю с велосипеда. Пуговицы сыплются с рубашки, как горох. Я стою с видом идиота.

Лимузин сворачивает за угол. Время есть всегда, пока оно есть. Я вспоминаю самое важное сообщение, присланное Хлоей сегодня вечером: «Сам выпускной дело скучное, не то что вечеринка возле бассейна у Ноэль. Помнишь, как мы в детстве играли в „Марко Поло“? Ты должен прийти».

И я приду. Мчусь домой. Без рубашки. Какие-то девчонки восторженно свистят мне вслед. Я – красавчик. Я свободен. Я любим. Иначе и быть не может. Никакая девчонка не станет столько писать, если не любит тебя. Никакая девчонка не будет снова и снова просить тебя прийти.

В такую ночь девчонки хотят чего-то особенного, значительного. Наверное, хорошо, что мы не торопились увидеться. И мне не придется идти в шумный, битком набитый танцзал и делать вид, что я люблю песни, которых не знаю. В одном из своих твитов Роджер Блэр писал: «Время есть всегда, но только пока оно есть. Люди рождаются, чтобы умереть. Наука могла бы это исправить. Но ученые не хотят. #ПрогрессТребуетСтраданий».

Может быть, он прав. Может быть, настало наше время.

Хлоя

Должна сказать, Ноэль права. В этом платье я и впрямь смахиваю на шлюшку. Терпеть не могу это слово, но некоторые девушки умеют носить такое платье и выглядеть уверенными в себе. Другим девушкам хочется покрасоваться, тряхнуть тем, что от мамы досталось. Я свое надела, только чтобы пофотографироваться, произвести впечатление на Джона и немножко разбить ему сердце. Хотела, чтобы он увидел меня в нем и пожалел об упущенном. Мысленно я снова и снова повторяю: «Это конец». В следующем году я в колледже и буду лишь изредка общаться с Ноэль и Марленой. В следующем году я буду собой. Ничего вот этого, никаких тусовок на Форти-Степс с людьми, которые мне даже не нравятся. Я ушла бы прямо сейчас, по-ирландски[24 - В нашей культуре – по-английски.], выскользнула бы из комнаты, нырнула к сливу, протиснулась в него – и прощай, жизнь, жизнь, в которой ничего не сложилось, прощай, дурацкое платье.

Вообще-то я думала, что сегодня что-то случится. Думала, что Джон почувствует что-то. Почувствует что-то и сделает что-то. Весь вечер смотрела на чертову дверь, ждала, что он ворвется в комнату и скажет, что любит, отмочит что-нибудь в духе Джона Хьюза. Но нет. Вот и все. Вспоминаю, как Кэрриг на парковке, когда я порвала с ним, показал средний палец водителю. Я понимаю его.

Я танцевала с Кэром один раз. Я пыталась быть милой. Желала ему удачи с его шлюшкой-подружкой, и он держал руки у меня на талии, как восьмиклассник.

– Можно что-то сказать? – спросил он.

– Конечно.

– Хлоя, просто будь осторожна.

– Как?

– Если ты нравишься парню, он придет. Мы – такие. Мы – простые.

И я вдруг будто услышала, как все вокруг шепчутся: «Бедная Хлоя, вешается на Джона, а тот даже ее видеть не желает. Новая девчонка Кэррига – огонь, ему с ней лучше, а бедняжка Хлоя сидит дома за компьютером, такая грустная да печальная».

Теперь выпускной позади, и половина нашего класса собралась у Ноэль. Я прыгаю в бассейн в платье, потому что платье не сыграло. И даже не платье. Это у меня полный провал.

Ноэль стоит босиком на настиле.

– Давай, – говорит она мне. – Одну дорожку.

Призывает поэкспериментировать.

– Может быть, самую чуточку, – говорю я.

– Ты – творческая натура, Хлоя. Хотя бы таблетку экстази.

Жую пирожок с травкой. Кошмарная ночь. В бассейне тесно, не протолкнуться, в доме полно посторонних, ребят, с которыми я не дружна, ребят, которые не участвовали в поисках. Я никому не интересна, ни на каком уровне. Хочу Джона. Мне плохо без Джона. Я так смело говорила о Нью-Йорке, потому что думала, что

он будет там со мной. Но теперь до меня начинает доходить. Он не поедет. Я поеду одна. Вспоминаю, как несколько дней назад Джон сказал, что молодой банан высасывает жизнь из старого. Я нарисовала эти бананы. Послала ему картинку. Он ответил: «Мне нравится!» Но как он может любить меня? Я не очень хороший человек. Однажды он спросил, почему я до сих пор дружу с Марленой и Ноэль. Я попыталась сострить: «Знаешь, они обе жопы, но они мои жопы». Он ответил – ЛОЛ, но наверняка ужаснулся. Сказать такое о подругах, разве не ужасно? Я хотела удалить, но он уже написал мое имя – Хлоя. А я написала его – Джон. Потом наступило молчание. Пауза. Я так много чего прочла в этом мостике молчания между нашими именами. Я подумала, что это любовь.

Марлена предлагает содовой с водкой.

– Ты в порядке, Хло?

– В порядке, – отвечаю я, открывая бутылку, которую даже не пробовала до нынешнего лета. – Похоже, перебрала с «травкой».

Марлена тянется к моей бутылке.

– Не надо. Не стоит смешивать. Еще рано.

Мы слышим это одновременно. Ноэль дует в свой свисток. Кто-то выключает музыку. Кто-то пришел. Он.

Джон.

Оно, должно быть, проступает у меня на лице, это слово, любовь, потому что Кэрриг смотрит на меня злыми глазами. Я и забыла, что он здесь. Пытаюсь подплыть ближе, но Марлена хватает меня за руку.

– Потихе. Смотри не утони.

Они там, у другого края бассейна, Ноэль и Джон. Она указывает на дверь.

– Вон! Только по приглашениям.

– Я только хочу поздороваться с Хлоей. – Джон говорит так тихо, что я едва его слышу.

Хочу крикнуть, но чертов пирожок оставил меня без сил. Я не могу выбраться из воды, не могу добраться до ступенек.

Ноэль стоит подбоченясь, кокс только что из глаз не лезет. Прошу Марлену подняться, но она смотрит на меня как на сумасшедшую, и до меня доходит. С Ноэль сейчас лучше не спорить. В третьем классе средней школы мы разучивали танец, и она была хореографом. Вспомнить страшно, как нам доставалось, когда кто-то не мог сделать правильный шаг.

Все уже достали телефоны, потому что Джон Бронсон тоже хорош. Мальчик-из-подвала. Парень, которого приглашали на телевидение. И вот его она выгоняет. А он не уходит. Одним быстрым движением Ноэль вскидывает водяной пистолет, принимает позу для стрельбы, и Джон, словно какой-то преступник, съеживается и поднимает руки. Все смеются, а у меня сердце рвется пополам. Она ненавидит его. Всегда ненавидела.

– Снимай шорты, – приказывает Ноэль. – Посмотрим, что у тебя там.

– Извини, – говорит он. – Я пойду.

Она стреляет, и он вздрагивает, как будто в пистолете не безобидная вода, а что-то серьезное. Меня он, кажется, не видит, да я и сама себя не вижу и даже не чувствую. Так случалось иногда в детстве, когда Кэрриг измывался над ним, а я будто застывала.

– Я только хотел поздороваться, – говорит Джон.

– Я только хотел поздороваться, – передразнивает Ноэль. – Ты что, гребаная собачонка? Ты пес, да?

– Нет, – отвечает он.

Не надо, Джон. Не надо.

Ноэль завелась, ее не остановишь. И рот ей не закроешь. Тем более что у нее пистолет.

– Позволь объяснить тебе кое-что, Мальчик-из-подвала. Во-первых, ты испортил ей жизнь уже тем, что был здесь. Ты так себя вел, будто она должна была спасти тебя. А потом ты просто исчез. И этим снова испортил ей жизнь.

– Меня похитили, – отвечает он, дрожа.

– И вот теперь ты снова все испортил, когда вернулся.

Ноэль целится в него. На этот раз Джон не прячется. Никто уже не смеется. Никто не снимает. Смотреть на этот ужас невозможно.

– Хлоя не любит тебя, Джон. Она жалеет тебя. – Ноэль снова закачивает воду. И тут вдруг из носа у нее начинает идти кровь. Она хрипит и падает на пол. Крики, суета. Я пытаюсь выбраться из бассейна, кто-то наступает мне на руку. Все носятся туда-сюда, и я ничего не вижу. Наконец вылезаю, бегу к другому краю бассейна и слышу крик: «Кто-нибудь, позвоните 911!» Я пробиваюсь сквозь толпу.

Джона нет. Раздвижная дверь открыта, он даже не потрудился закрыть ее за собой. В такую минуту, когда вокруг весь этот хаос, он снова делает мне больно. Теперь я понимаю. Это то, что Джон делает всегда. Он исчезает.

А вот Ноэль не исчезает. Из всех моих знакомых она самая упрямая. Ее любимый фильм – «Выскочка»[25 - Фильм 1999 г. о пробивной школьнице, пытающейся занять место председателя школьного совета.]. Она способна на все. Когда мы разучивали тот танец, она не позволила нам взять паузу и съесть йогурт, пока мы не отработали все движения. Даже в минуты слабости в ней оставалась какая-то крепость, сила. Казалось, она ничего не боится. На прошлой неделе, в примерочной «21 навсегда», она вдруг дрогнула: «Что, если я поступлю в Дартмут и окажется, что там все умнее и... лучше?» Помню, как однажды, на соревновании по орфографии, какая-то девчонка посмеялась над ее акцентом. Ноэль посмотрела ей в глаза: «Больше всего в себе я люблю мой голос, потому что он помогает обнаруживать таких претенциозных снобов, как ты».

Ноэль – моя лучшая подруга, моя первая подруга, моя неидеальная подруга – теперь лежит на спине у бассейна. Мертвая.

Я – провидение

Шесть лет спустя

Эггз

У Ло десятки студентов. С каждым семестром их добавляется, они мелькают в нашем доме, приходят и уходят, заглядывают на обед и кофе. Всегда есть несколько любимчиков, и прямо сейчас это Марко. Неплохой паренек. Дело в мелочах, в том, как он убирает волосы за уши, повторяет все сказанное Ло, как будто не завоевал еще ее симпатии. Ло говорит, что я слишком придирчив – к нему, ко всем. Он просто пытается запоминать, Эгги. Многие писатели так делают.

У меня тоже вроде как есть дети. Только мои не приходят отведать пасты. Они не плачутся на диване, не жалуются на нехороших бойфрендов и невыносимых профессоров. Мои на это не способны по той простой причине, что они мертвы.

Ло стучит по стене внизу.

– Марко придет на обед.

– Я оповещу журналистов.

Она вздыхает, но не злится. Подниматься в мой домашний кабинет ей не нравится. Когда-то это была комната нашего мальчика, Чаки. Но он здесь больше не живет. Не потому, что уехал в колледж. Ни в какой колледж он никогда не попадет. Ему восемь лет, и он болен. Некоторые врачи называют болезнь аутизмом, но это не такой аутизм, который можно увидеть по телевизору или в парке. Другие говорят об аффективном расстройстве. Короче говоря, в голове у нашего мальчика сумбур, в котором никто не может

разобраться. У него склонность к насилию, он пытался поджечь себя, вырывал у себя волосы, кричал, выражая бессловесную боль на этом единственном своем языке. Сделать для него что-то, помочь, защитить от боли мы не могли. Нам сказали, что выбирать не приходится. Что нужно послать его в специальное учреждение при больнице Брэдли. Там он и живет, там спит. Мы не виноваты, никто не виноват, но это легче сказать, чем понять, и это такой кошмар, из-за которого друзья забывают тебе перезванивать. Бог есть, потому что таким болеют очень немногие дети, но Бога нет, потому что мой мальчик, наш ребенок живет на другом краю города в окружении резиновых стен.

И, конечно, у Ло есть свои дети, а у меня, конечно, свои. Приходится выживать.

Тогда, перед рождением Чаки, мы так волновались. Ло хотела побольше уточек в детской, и мы покупали все, что попадалось на глаза в магазине поделок в Ньюпорте: мягких уточек, керамических утят. А потом он появился на свет. Тихо. Не кричал, не капризничал. Подниматься сюда, в комнату с разрисованными уточками стенами, напоминающими о том ожидании, о том времени, когда она возвращалась домой, возбужденная после лекции о Хемингуэе, вдохновленная «Дорогу утятам!»[26 - Иллюстрированная детская повесть Р. Макклоски про семейство уток, одна из самых известных американских книг для детей; в Новой Англии имеет культовый статус.], ей слишком мучительно больно. Взятые в рамочку любимые страницы из этой книги Ло развесила на стенах. Здесь у нас утиный суп, моя лампа в форме утки, а на комод, изначально предназначенном для детского белья, выстроилась целая армия запылившихся резиновых утят. Есть еще мой письменный стол, грузовое судно в утином пруду. Несколько лет назад мы приобрели его на гаражной распродаже в Кранстоне. Нам нравится такого рода мебель, вызывающая в памяти Кэри Гранта[27 - Кэри Грант (наст. имя Арчибальд Александр Лич; 1904–1986) – суперзвезда «золотого века» Голливуда (1930-е – начало 1950-х гг.).] и струйки сигаретного дыма. Ло сжала мою руку.

– Ты же знаешь, куда бы мы могли это поставить.

– В дальний угол гостиной?

Она заглянула в сумочку.

– Или, может быть, в комнату Чаки.

Вот так мы и поставили мой стол сюда. Теперь, Эгги, тебе есть где заниматься своими исследованиями. Она погладила меня по спине.

Мне следовало это предвидеть. Ло не одобряла мои «исследования». Я пытался выяснить, почему наш мальчик такой, какой есть. Врачи говорили, что заниматься этим не следует, но разгадывать загадки, следовать внутреннему голосу – такова моя натура. Я принимал во внимание разные аспекты. Изучал костяк нашего дома – нет ли в стенах чего-то такого, что проникло в Ло во время беременности, какого-то химиката в изоляции? Я звонил производителям молока, которое мы покупаем домой, молока, которое используют в «Данкин Донатс». Я разыскивал в интернете других родителей. Бывали ли они в «Данкин Донатс»?

Ло видела меня на этаже с коробками и расстеленными газетами. Однажды она заметила на полу флакончик с ее духами «Энджел» и тут же его схватила.

– Это что такое?

– Ло, я делаю это для нас, для всех. Если в духах что-то есть, то, может быть, есть и способ дать обратный ход, помочь другим избежать этой ситуации.

Она отвернулась и ушла. Никогда на меня не кричит. Мы вместе прошли через ад. Наш Чаки никогда не смеялся. Его можно было держать на руках, но он не тянулся к нам, не обнимал, не клал голову на плечо. Сталкиваясь с таким, кричать не станешь. И вот через неделю после случая с духами я сидел здесь, за своим столом. Мы выработали некую систему. Я не навещал Чаки с тех пор, как мы оставили его там, тогда как Ло ездила туда постоянно. Дело не в каком-то мученическом подвиге, но что-то такое всегда есть, оно бурлит у самого края и время от времени проливается, и тогда Ло бросает мне вызов: «Ты просиживаешь все время со своими коробками, а может быть, если бы увидел его, то смог бы расслабиться, отпустить и просто жить».

На телефоне срабатывает будильник, а значит, мой чай уже готов. Я пью травяной для горла чай с корнем алтея. Ло его терпеть не может – слишком сладкий и успокаивающий. Но мне нравится. Он мягкий. Заваривать его нужно пятнадцать минут, в чашке под крышкой. На упаковке написано, что он обеспечивает внутренний слой защиты. «Защиты от чего?» – всегда интересуется Ло.

Как часто бывает в это время вечера, звонит мой телефон. Откидываюсь на спинку стула, готовлюсь к словоизвержению.

– Мэдди, дорогая, как вы сегодня?

Сын Мэдди Голеб, Ричи, умер у себя во дворе. Ему было двадцать три года, и причиной смерти назвали коронарный тромбоз. За последние несколько лет этот случай стал одним из четырех необъяснимых. Его мать звонит мне каждые три-четыре месяца, поскольку думает, что в этом деле не все так просто. Каждый раз, когда Ло обвиняет меня в одержимости, я вспоминаю Мэдди как живое доказательство того, что время залечивает не все раны и не полностью. Я никогда не прошу ее перестать плакать. Просто жду.

Она сморкается.

– Эгги, я видела сон прошлой ночью.

У меня сжимается сердце. Я ничего не могу поделать с ее снами. Слушаю, как она описывает цвет рубашки Ричи, пульсирующую жилку у него на лбу. Но я только потакаю ей. Как те гарвардские шишки, которые терпеливо выслушивают меня, когда я прихожу с «делом Чаки» и излагаю свои теории. Ответ всегда один и тот же – нет. Спасибо, что пришли, но случай вашего ребенка относится к числу неизученных. Иногда я даже хочу, чтобы меня отправили куда подальше. Иногда думаю, что пошлю подальше Мэдди, и, может быть, это поможет ей. Иногда, но не сегодня. Я прилежно записываю. Задаю вопросы. В этот раз ей приснилось, что сын пришел домой.

– Эгги, теперь он не просто пришел домой. Знаете, обычно я обнимаю его, но сейчас Ричи держался холодно и отдал мне конверт.

– Что было в конверте?

– Я пыталась обнять его, но он как будто не мог переступить порог.

– Вы приняли конверт?

– И вот он стоит, мой единственный, не может войти и хочет, чтобы я открыла конверт, а я хочу, чтобы он вошел, и он говорит, что человек в конверте разбил ему сердце.

Я делаю пометку: разбил ему сердце.

– Скажите, Мэдди, а Ричи встречался с кем-нибудь в то время?

– Нет. Он порвал с Брайаном, а Брайан даже не пришел потом на его похороны.

Мэдди снова плачет. Это даже не столько плач, сколько спазм, будто у нее в сердце землетрясение. Потом снова успокаивается и возвращается к своему сну.

– Когда я открыла конверт, в нем ничего не было.

Я пытаюсь вернуть нас в физическую реальность и спрашиваю, получала ли она за эти годы какие-то странные послания, но она перебивает меня:

– Позвольте мне закончить. Он украл конверт.

Я откладываю ручку.

– Кто украл, дорогая?

– Тот парень, который разбил ему сердце. Человек во сне, он добрался до конверта прежде меня. Я видела, как он выбегал с конвертом из моего дома.

Слышать себя в другом мучительно больно. Мэдди заканчивает рассказ словами, которые говорит всегда: «Сердце без причины не разбивается». Я выключаю свет, чтобы видеть только экран компьютера и не видеть уток на стене. Беру чай. Он уже остыл. Через какое-то время звонят в дверь. Марко.

Ло всегда оживляется, когда приходят ее дети. Особенно Марко. Думаю, он влюблен в нее. Когда я сказал об этом прошлым вечером, она подняла меня на смех: «Я в матери ему гожусь». Но вот – он с айподом, ищет музыку для нее. Ло

считает, что я ревную, потому что он молод, и, может быть, я действительно немножко завидую – у него такое чертовски здоровое тело, а у меня каждый день какая-то новая болячка. У него блондинистые волосы, точеное, как лыжная трасса, лицо и голубые глаза. Любой на моем месте был бы недоволен. Он такой живой, а мои дети такие мертвые.

– Думаю, у меня есть название, – говорит он, вытирая уголок рта.

Ло усмехается:

– Для диссертации? Неужели «Тьма во свете»?

– Даже лучше, – говорит он. Вот почему мне не нравится этот парень. Другой сказал бы да, отдав Ло пальму первенства. Он закусывает губу и тоном волшебника произносит:

– «Тьма в конце тоннеля».

Ло в восторге: «Красиво и убедительно». Марко говорит, что вдохновился чем-то, что она сказала в классе. Она замирает. Он зашел слишком далеко, и я впервые смотрю ему в глаза.

– И чем же, Марко?

Он обращается к ней за одобрением, но Ло только сглатывает.

– Она рассказывала нам о вашей семье. Называла имена по поколениям. Все мужчины носили имя Чарльз ДеБенедиктус. Вы молоды, вас зовут Эггзом[28 - «Egg» по-английски значит «яйцо», а также «зародыш», «желторотик», «салага». Учитывая фамилию, возможно, шутливая семейная традиция связана с названием блюда «яйца Бенедикт» – бутербродов с яйцами пашот (сваренными без скорлупы) и копченой свининой под голландским соусом (из желтков и сливочного масла).], и вы Эггз, пока у вас нет сына, а потом становитесь Чаки, а ваш сын Эггзом, но в вашем положении... – Он убирает за ухо волосы. – Вы останетесь Эггзом навсегда, и это разбивает мне сердце.

Марко опускает айпод, а Ло смотрит на меня.

– Мой младший класс, ты всех там знаешь.

Я в курсе ее методики преподавания, так что причин для обиды нет.

– Разве я жалуюсь?

– Нет. – Она поворачивается к гостю. – Марко, дорогой, еще хлеба?

И вот тут проявляется то, за что он мне все же нравится. Марко извиняется – был чересчур резок. Извиняется искренне. Он хороший парень. Я хотел бы, чтобы Чаки был таким. И я не злюсь на Ло за то, что она говорила обо мне и нашем сыне, которого я не видел два года. Два года. При этом она позволяет мне сидеть за этим столом. Я подмигиваю ей. Она кивает. Знает. Они заводят разговор о группе, выступающей в городе на следующей неделе. Я ем пасту. Такое бывает, когда ваш ребенок болен. Вы привязываетесь к чужому ребенку, сидите с ним, как будто он ваш. Марко замечает мою угрюмую отстраненность и смотрит на меня.

– Должен спросить. Вам когда-нибудь приходилось разнимать драки в «Лупо»?

Ло смеется.

– Слава богу, нет. Эгги – детектив, а это по большей части бумажная работа. Но ты все же Расскажи нам о каком-то своем деле.

Я наматываю спагетти на вилку.

– Вообще-то как раз сегодня был интересный звонок насчет одного старого случая.

В глазах у Марко вспыхивают огоньки. Ребята в классах Ло всегда требуют историй и с удовольствием слушают рассказы о нашей начальнице, Стейси, личности исключительной, женщине с пятью детьми, которая еще и руководит полицией. Ло зачитывает мне отрывки из их разнообразных описаний Стейси. Сказать по правде, особа она не очень интересная, по крайней мере для меня.

Ло роняет ложку в миску с салатом.

– Старый случай?

Марко приободряется.

– Это не о тех ребятах с сердечным приступом?

Я киваю. Ло кусает губы. Расплата придет потом.

– Сегодня мне позвонила мать одной из жертв. Возможно, ничего особенного, но в полицейской работе важно прислушиваться к внутреннему голосу, полагаться на чутье, – говорю я, входя в образ моего старика. – В полицейской работе важно думать. Иметь воображение. Важно оторваться от отчета о вскрытии и подумать о теле. А еще важно ставить правильные вопросы. Но на первом месте чутье. Оно – ваш собственный маленький интернет, вот что такое чутье. Как вы размышляете над вашими сочинениями, так я размышляю над фактами.

Ло тут же цепляется за последнее слово.

– Факты, – говорит она, не спуская с меня глаз.

– Так или иначе, – продолжаю я. – Как выясняется, в деле одного из этих ребят возможно влияние некоего субъекта, о котором мы не знали до сегодняшнего дня.

Марко кивает. Как все дети Ло, он наполовину слушает, наполовину наблюдает. Вижу, что он уже пользуется мною, знает обо мне больше, чем следует. Ло раскрылась перед ним. Мой муж и его коробки. Знаешь, из-за них у него уже были неприятности. Пару лет назад его условно отстранили с испытательным сроком из-за того, что он не желал отказаться от своей теории насчет того, что эти смерти связаны между собой. Упрямство могло стоить ему работы, но посмотри – вечер за вечером опять сидит со своими коробками.

– В любом случае, – говорю я, – материал конфиденциальный, так что на этом придется поставить точку.

Мы снова говорим о Марко, его жизни, газете, соседях по дому и застольной игре для подвыпившей компании, в которой нужно трижды быстро произнести Нэнси

Энн Сиэнси[29 - Трудное для быстрого произнесения имя жены Винсента Альберта «Бадди» Сиэнси-младшего, который 21 год был мэром Провиденса (самое долгое мэрство в истории США), города, где происходит действие. Провиденс, столица штата Род-Айленд, – место, где родился и большую часть жизни провел Г. Ф. Лавкрафт. По-английски его название означает «провидение», «перст судьбы», а также «рок», «удел», «неотвратимость»]. Мы тоже, как три идиота, каркаем: Нэнси Энн Сиэнси Нэнси Энн Сиэнси Нэнси Энн Сиэнси. Смотрю на Ло и думаю, какие неприятности ждут меня после обеда.

Встаем из-за стола, убираем тарелки. Марко снимает с зарядника телефон и притворно зевает.

– Мне, наверное, пора.

Ло хватает его за руку.

– Без десерта не уйдешь. – Просто пожелать спокойной ночи и разойтись она не может. – Шоколадные кексы любишь?

– Обожаю, – говорит он, и это сигнал мне.

Закладываю кексы в микроволновку. Ло и Марко обсуждают документальный фильм, который Ло должна посмотреть по «Нетфликс». Краем глаза наблюдаю, как на кексах тает глазурь. Марко смеется над чем-то, что сказала Ло. Она улыбается – приятно видеть, как дети реагируют на рассказанную тобой историю.

Я бы хотел, чтобы Марко был моим сыном. Я бы хотел, чтобы мой сын был Марко. Кексы крутятся и крутятся, а я думаю о том, что лучше бы Мэдди рассказывала о чем-то другом, а не о своем чертовом сне.

– Я не сумасшедшая, – говорит Ло. – А ты?

– Конечно, нет.

– Я за тебя опасаюсь, Эгги. Это же просто неумно. Одно дело, когда я, не вдаваясь в подробности, рассказываю что-то о нас, о тебе, но ты сильно

рискуешь, делись с детьми деталями каких-то особенных случаев. Что, если Марко, придя домой, напишет об одном из твоих дел? Он пишет о сердечном приступе, рассказ доходит до семьи, те звонят Стейси. И вот у тебя уже нет работы.

– Знаю.

Мы устраиваемся в постели, стараемся быть поближе друг к другу, но оба устали. Ставим фильм – «Американское великолепие» – и сидим в мерцании телевизора, как дети, задержавшиеся дольше положенного времени. Нам обоим по сорок девять. Мы оба из Род-Айленда. Мы оба влюбились в этот дом, потому что он необычный и причудливый, а нам нравится необычное и причудливое. У нас обоих сильно развито чувство гражданского долга, и мы активно пользуемся библиотекой и почтой, чтобы обеспечить сохранение нашего района таким, какой он есть. Мы оба плакали, когда умер Бадди Сиэнси, мэр города и муж Нэнси Энн Сиэнси. Мы оба обрадовались, когда осознали, что нашли друг друга – однажды вечером в кинотеатре, куда забрели по ошибке и где едва не умерли, давясь от смеха, где поняли, что нет на свете никого, чей смех так ободрял бы, чья рука так сжимала бы твою. Мы оба благодарные по натуре. Коп и учительница, так, возможно, напишет однажды Марко, слуги государства с воображением, и более совместимой пары вам не найти.

Ло смотрит на меня.

– Ты такой тихий.

– Просто думаю.

Она нажимает на паузу, и я жду лекции: Ты и Твои Коробки. Она вздыхает.

Я смотрю на экран – Харви Пикар[30 - Американский писатель и критик; фильм «Американское великолепие» снят по его автобиографическим комиксам.]. Они с женой удочерили девочку, вполне себе взрослую.

– Эгги, ты знаешь, я не хочу читать тебе лекцию.

– Знаю. – Господи, я и в самом деле знаю, что расклад против меня. Каждое вскрытие дает один и тот же результат. Разрыв аорты. Такое случается, они умерли так же, как и другие, а то, что это произошло на моей территории, просто случайное совпадение. У меня сверхактивное воображение. У меня чутье, внутренний голос и коробки. – Но, милый, иногда нужно всего лишь сделать маленький шаг. Мы могли бы встать, сесть в машину и поехать в Брэдли.

Чаки. Все это время она думает о Чаки.

– Тебе даже необязательно заходить. Мы могли бы просто посидеть на парковочной площадке.

Она снова включает фильм, а я отправляю сообщение Мэдди: «Думал о вашем сне. Может быть, стоит еще раз проверить его почтовый ящик. Иногда мы считаем, что уже все посмотрели, но потом возвращаемся, и что-то выглядит по-другому».

Ответ приходит через несколько минут: «Извините, детектив, и большое спасибо за то, что вы всегда рядом в самые трудные моменты. Меня навестила сестра со своими детьми, и я немного успокоилась. Обещаю, никаких параноидальных звонков больше не будет. Знаю, у вас и других дел хватает. Еще раз извините».

Я откладываю телефон. Мне покой не грозит. Интересно, что это вообще такое.

Джон

На этом месте умерла Ивонна Белзики, вот тут, на Дорранс-стрит.

Я здесь всего лишь пару дней. Прогуливаюсь, хожу вокруг ночного клуба «У Лупо: Отель разбитых сердец». Именно это я сделал с Ноэль. Разбил сердце. Сомнений нет. Тогда, сразу после ее смерти, потный и разгоряченный, я чувствовал себя так, словно сам, своими руками, скрутил ее артерии, сжал их, сдавил так, что пальцы окрасились ее кровью. Я не хотел этого. Никогда и никому я бы не желал ничего подобного. Но я сделал это.

Что такое совершила Ноэль? Чем вызвала во мне эту вспышку? Я пытался понять и не смог. Но винить Ноэль несправедливо. Это я убил ее. Люди винули мою мать

за то, что сделал со мной Роджер Блэр. Винили за вольный стиль воспитания. Но нельзя винить жертву. Виноват всегда похититель, убийца.

И вот теперь, как ни крути, убийца – я.

Ноэль не заслуживала смерти.

А потом была Ивонна Белзики, хотя я и не знал тогда ее имени. Это случилось здесь, на Дорранс-стрит. Мне нравилось в ней все – пальчики, ноги, все, – но это было другое, не то что с Хлоей. Глядя на нее, я видел только доброту и великодушие. Она улыбнулась мне, и ее улыбка оказалась заразительной. После смерти Ноэль я никому не смотрел прямо в глаза. Но на Ивонну посмотрел. И подумал: все могло бы быть лучше. Наши глаза сомкнулись, и мне бы следовало бежать, отвернуться, потому что сердце уже стучало так, как не стучало после смерти Ноэль. Да, я должен был бежать. Но вместо этого замер, как олень в свете фар. Впервые в жизни я слушал по-настоящему. Слушал и слышал происходящие во мне перемены, как будто Роджер перемонтировал внутри меня какую-то схему, добавил систему связи между моими эмоциями и невидимыми, выстреливающими из меня пулями.

Ивонна умерла даже быстрее, чем Ноэль.

Я пытался сдерживать себя. Гулять только по ночам, не допускать зрительного контакта, держаться подальше от прохожих. Иногда, поддавшись паранойе, я убеждаю себя, что за мной следят, и тогда сразу же иду домой, где я сам в безопасности и никому не угрожаю.

У меня есть план. Я не могу найти Роджера Блэра – никто не может, – но работаю над этим. Провожу исследования, сосредотачиваюсь на научной стороне явления, читаю о Блэре, других его экспериментах и о человеке, который сотрудничал с ним, докторе Теренсе Мини. Может быть, если понять, что и как он делал, то найдется и способ исправить. Наука сводит с ума, особенно химия с кодами, числами, калием и хлоридом.

Когда уравнения больше не воспринимаются, я отступаю от длинных тяжеловесных и неуклюжих слов в биографии и перехожу к длинным тяжеловесным и неуклюжим словам в книгах Лавкрафта. «Ктулху». «Некрономикон». В конце концов нельзя отрицать очевидное: я – чудовище. И,

возможно, ключ ко всему в том, чтобы научиться укрощать эти силы. (Ненавижу это слово.) Я читаю о Лавкрафте, читаю письма, которые он писал друзьям, его рассказы, но это все круги, времена года, и, конечно, через несколько дней данвичской жизни я устаю. Возвращаюсь онлайн, к сайтам «Уайрд» и «Сайенс».

Проблема еще и в том, что тому, что я есть и что делаю, нет названия. Я не знаю, почему мама, папа и Хлоя только теряли сознание, тогда как Ноэль и Ивонна умерли. Моя романтическая половина полагает, что это имеет какое-то отношение к любви, но это глупо и никак не связано с наукой, с ревущим пламенем моих турбин, с нападением одного сердца на другое.

Провиденс – самое лучшее для меня место. Здесь много тихих, открытых улиц, и я расхаживаю по городу, как это делал Лавкрафт в свое время. Я хожу и задаю себе вопрос: где Роджер Блэр? Найти его – единственный способ решить загадку. В глубине души я понимаю это и признаю, что все мои исследования, чтения – пустая трата времени. Сознать это неприятно. Иногда я думаю, что никогда его не найду, никогда не исправлю того, что он сделал со мной, и не смогу жить вот так, неся опасность миру уже тем только, что хожу по улицам.

Но проходит еще месяц, приезжают студенты, и я остаюсь в той же подвальной квартирке и на той же работе в службе доставки газет «Провиденс джорнэл баллетин». Снова и снова я убеждаюсь в том, что нет самого дна души, нет самого мрачного момента в жизни, но всегда есть другой, еще более мрачный момент. Ноэль умерла, потому что я разозлился на нее. Ивонна умерла, потому что я улыбнулся ей. Коди умер, потому что я расстроился из-за Кэррига и Хлои. Отчаянию, любопытству, ужасу оттого, что мои чувства смертоносны, нет конца.

Мои чувства имеют последствия для других людей. Это глупо, и это бесит, сводит с ума. Как будто само возникновение чувства есть что-то нежелательное, как будто чувства не есть весь смысл жизни – злиться на Ноэль, увлечься прекрасной девушкой в весенний день, как будто мы все не хотим жить в «Отеле разбитых сердец».

Помню, как Беверли рассказывала однажды о цикле насилия и заметила, что я не должен удивляться, если у меня появятся мысли причинить кому-то боль, что для жертвы естественно повторять такое поведение. Помню и то, с какой убежденностью ответил, что не испытываю ни малейшего желания навредить кому бы то ни было. А потом, волна за волной, накатили слезы.

Моему папе часто снились безумные сны. Мама жаловалась, мол, сны – это вроде тренировок, никто не хочет о них слышать. И вот теперь безумные сны снятся мне. Я вижу людей, которых убил, и пытаюсь спасти их, но в этих проклятых снах нет ключа. Роджер Блэр тоже там, но он не помогает мне. Не слушает, когда я кричу. Не идет навстречу и не объясняет, что сделал и как это остановить.

Пять человек и одна собака. Мертвы. Из-за меня.

Где же ты, Роджер Блэр?

Возможно, он проходит как Магнус Вилларс. И я понимаю, почему он стал Магнусом. Никто не желал слушать его идеи, и реализовать их он мог только под другим именем. Так же поступаю и я. С прежней жизнью, жизнью Джона Бронсона, покончено. Теперь у меня два имени: Тео Уорд и Питер Федер.

Тео Уорд (составлено из псевдонимов Лавкрафта – Льюис Теобальд и Уорд Филипс) – обычный чувак, снимающий квартиру в подвале, и доставщик газет в «Провиденс джорнэл баллетин». У меня есть почтовый ящик на имя Тео, но ничего особенного туда не попадает.

Все свои научные изыскания я провожу как Питер Федер. Имя дали два персонажа – Питер Паркер (Человек-паук) и Ленни Федер («Одноклассники 2»[31 - Голливудская комедия, где этого персонажа играет Адам Сэндлер, как и в предыдущей части.]). Имя я выбрал в первый же рабочий день. Я так устал, и место было такое непривычное. У меня даже матраса не оказалось. Я включил телевизор, оставшийся после того парня, что жил здесь раньше. Шли «Одноклассники 2». Я сидел на полу и хохотал. Серьезно. Никаких надгробий, никакого Лавкрафта, самые обычные туповатые шутки, пиво и прыжки в карьер. Никаких загадок, никакого неведомого.

У «Питера Федера» есть страница в «Фейсбуке», где он руководит группой защитников жертв. Люди принимают Питера за онлайн-охотника за головами, который не может обозначить свою физическую идентичность по причинам юридического характера. Я объясняю, что разыскиваю Роджера Блэра по поручению семьи Джона Бронсона (это не отъявленная ложь, поскольку я – Бронсон, Мальчик-из-подвала). Я получаю отклики от десятков людей, знавших Роджера и считающих, что видели его. У меня есть фотографии, свидетельства

бывших студентов, подтверждающие, что в его присутствии испытывали дискомфорт.

И все же найти сукиного сына не удастся.

Роджер Блэр – одиночка. Но даже такие, как он, должны кому-то доверяться. Роджер не был женат, а его ближайшим другом был, насколько я смог понять, глава биохимического отделения в университете Брауна, тот самый Мини. Я даже видел его один раз в полицейском участке. Когда начались поиски мистера Блэра, Мини попал в список подозреваемых, но его отпустили после проверки. Шакалис сказал, что глубоко копать не пришлось, поскольку именно Мини запретил Роджеру появляться на территории университетского кампуса. Помню, что его показывали в выпуске новостей: он стоял возле участка и только что не улыбался. Вы разрешаете взрослым находиться рядом с детьми в условиях минимального контроля и теперь указываете на меня? Не думаю, что Мини в сговоре с Роджером, но уверен – он что-то знает. В дружеских отношениях они были до самого конца. Люди, которые тебя знают, знают и твои места. Так же, как мы с Хлоей.

Роджер и Мини совместно занимались исследованиями. Несколько раз они участвовали в программе «Жизнь коварных растений» канала «Планета животных». Они рассказывали о биохимии, о таком растении, как повилика, паразите, высасывающем жизнь из других, чтобы жить самому. Интересуясь потенциалом энергии фотосинтеза[32 - Преобразование энергии видимого света в химическую энергию растениями и безъядерными живыми микробами.] для человечества, они видели в этом растении потенциал силы и считали, что, возможно, когда-нибудь люди станут ближе к растениям, будут получать все необходимое от солнечного света и из почвы и сделаются частью экосистемы. Рассуждения Роджера сводились к тому, что с развитием технологий мы все меньше используем собственное тело, сужая его возможности до глаз и пальцев. В этом месте Мини громко стонал и поправлял своего партнера: «Он имеет в виду, что в других частях нашего тела больше неиспользуемой энергии».

Эти двое получили кучу грантовых денег, но, насколько я могу судить, так и не преуспели. Блэр «прославился» тем, что часто бросал один проект ради другого, и партнеры постоянно ссорились на почве исследовательской этики. Мой папа называл их парой Гарфанкелей[33 - Артур (Арт) Гарфанкель (р. 1941) – участник дуэта «Саймон и Гарфанкель», в прошлом обладатель пышной курчавой

шевелюры.] – оба курчавые и с высоким голосом, – но Мини выглядел более подготовленным к камере. Неудивительно, что он остался и с работой, и с влиянием. В эпизоде с наибольшим количеством просмотров Мини назвал коллегу садистом

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод З. Александровой.

2

«Нью-Ингланд Пэтриотс» (англ. «Патриоты Новой Англии») – базирующаяся в Бостоне, Массачусетс, команда по американскому футболу, за которую болеют во всех шести штатах, входящих в северо-восточный регион Новая Англия, включая Нью-Гэмпшир.

3

Понедельник после «черной пятницы» (начинающей сезон рождественских распродаж) – день пика онлайн-торговли.

4

Элитный частный университет в Нью-Гэмпшире.

5

Сериал 2009–2018 гг. о семье с тремя необычными детьми, где события показываются от лица их матери.

6

«Бурые медведи» (англ.), бостонский хоккейный клуб.

7

Молочный коктейль с кофе и мороженым.

8

Американская семейная группа, во второй половине 80-х гг. выступившая с рядом международных танцевальных хитов.

9

Легендарный фолк-дуэт.

10

Зерновая культура из Южной Америки.

11

Крайне популярный в последние годы в США сладкий алкогольный напиток с коричневым вкусом, изготавливаемый на основе канадского виски.

12

Хештег намекает на знаменитый диснеевский мультфильм про олененка Бэмби, где жертвой охотника становится его мать.

13

Перевод П. Лебедева (здесь и далее).

14

Прическа; волосы коротко стрижены спереди и с боков, а сзади сильно отпущены.

15

Чуть больше 1 м 80 см.

16

Командная игра, где резиновым мячом играют специальными клюшками, напоминающими гибрид хоккейной клюшки и сетчатой ракетки.

17

«М а р к о П о л о» – салки в бассейне: водящий с закрытыми глазами говорит «Марко» и по голосам отвечающих «Поло» определяет их местонахождение, пытаясь осалить.

18

В мифологии, придуманной Г. Ф. Лавкрафтом и известной как «мифы Ктулху», Великие Древние – обитающие на Земле или относительно близко к ней сверхъестественные существа, враждебные людям и влияющие на их мир посредством магии, а также связанные с ними, но пребывающие в глубинах

космоса воплощения вселенского хаоса, называемые Внешними Богами. К Великим Древним относится наиболее известный персонаж мифов, чьим именем они и названы.

19

Полное название «Шоу Эллен Дедженерес» – ток-шоу, которое ведет эта известная актриса и комик.

20

Пирожные на палочке, обычно по виду напоминающие чупа-чупс.

21

Капучино-версия фраппе.

22

Современная инди-рок-группа.

23

Красное сухое вино из Тосканы.

24

В нашей культуре – по-английски.

25

Фильм 1999 г. о пробивной школьнице, пытающейся занять место председателя школьного совета.

26

Иллюстрированная детская повесть Р. Макклоски про семейство уток, одна из самых известных американских книг для детей; в Новой Англии имеет культовый статус.

27

Кэри Грант (наст. имя Арчибальд Александр Лич; 1904–1986) – суперзвезда «золотого века» Голливуда (1930-е – начало 1950-х гг.).

28

«Egg» по-английски значит «яйцо», а также «зародыш», «желторотик», «салага». Учитывая фамилию, возможно, шутливая семейная традиция связана с

названием блюда «яйца Бенедикт» – бутербродов с яйцами пашот (сваренными без скорлупы) и копченой свининой под голландским соусом (из желтков и сливочного масла).

29

Трудное для быстрого произнесения имя жены Винсента Альберта «Бадди» Сиэнси-младшего, который 21 год был мэром Провиденса (самое долгое мэрство в истории США), города, где происходит действие. Провиденс, столица штата Род-Айленд, – место, где родился и большую часть жизни провел Г. Ф. Лавкрафт. По-английски его название означает «провидение», «перст судьбы», а также «рок», «удел», «неотвратимость».

30

Американский писатель и критик; фильм «Американское великолепие» снят по его автобиографическим комиксам.

31

Голливудская комедия, где этого персонажа играет Адам Сэндлер, как и в предыдущей части.

32

Преобразование энергии видимого света в химическую энергию растениями и безъядерными живыми микробами.

Артур (Арт) Гарфанкель (р. 1941) – участник дуэта «Саймон и Гарфанкель», в прошлом обладатель пышной курчавой шевелюры.

Купить: https://tellnovel.com/kepnes_kerolayn/providenie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)